Кольцо викинга

Автор:
Антон Грановский

Кольцо викинга

Антон Грановский

Вервольф #4

На этот раз изобретатель Машины времени профессор Терехов и его помощник – странствующий по эпохам Егор Волков, попадают в руки безумного фээсбэшника Ребуса. Свихнувшийся на идее вселенского господства и личного бессмертия, Ребус отсылает Егора в 1919 год с задачей выдернуть оттуда молодого бездарного художника. Именно он, Адольф Гитлер, воплотивший в себе самое чудовищное зло, послужит катализатором в Установке, прорывающей пространство Вселенной. Следующим заданием Егора становится перемещение в эпоху князя Владимира. Цель – разыскать и добыть чудесное кольцо бога Одина, на самом деле принадлежавшее исчезнувшему брату профессора Терехова… На диком Севере Егор сталкивается с чудовищами, реально существовавшими в природе, но оставшимися лишь в сказках и легендах…

Антон Грановский

Кольцо викинга

В романе использованы стихи и тексты песен групп: «Сектор Газа», «Океан Эльзы», «Агата Кристи», «Мельница», а также Бориса Гребенщикова.

В сцене отплытия викингов на снеккаре звучит старинная норвежская боевая песня – автор русского перевода этого текста мне, к сожалению, неизвестен.

Все события в романе вымышлены, любое сходство с реальностью – случайно и непреднамеренно.

Позволь, я коснусь тебя,

Войдет в кровь звериный яд,

И лунный священный свет

В тебе свой оставит след.

Ты будешь змеи быстрей,

Всех женщин земных нежней.

Позволь мне тебя коснуться – или убей!

Группа «Ария» – «Зверь»

Пять сотен дверей

и сорок еще

в Вальгалле, верно.

Восемьсот воинов

выйдут из каждой

для схватки с Волком.

Малая Эдда

Зачарованный викинг, я шел по земле…

Н. Гумилев

Глава 1

Нападение

1

Егор Волков, долговязый брюнет лет двадцати, выбрался из старенькой синей «Вольво», обошел машину, открыл дверцу и протянул руку симпатичной зеленоглазой девушке.

– Только подними воротник плаща, – посоветовал он ей. – На улице зябко.

– Ничего, я закаленная, – ответила девушка.

Егор посмотрел на освещенные окна квартиры Терехова. В душе у него засаднило неприятное предчувствие. Юля заметила произошедшую с ним перемену.

– Волчок, – тихо окликнула она, – ты что-то почувствовал?

Егор выждал еще несколько секунд, потом качнул головой и произнес рассеянно:

– Да нет. Вроде ничего определенного. Наверное, просто нервы.

– Еще не поздно вернуться домой, – сказала Юля, с легким беспокойством глядя на Егора. – Ты заслужил хотя бы неделю отдыха.

– Я не против, ты же знаешь. Но проф сказал, что дело срочное.

– Твоему профессору просто не терпится поскорее начать, – неприязненно проговорила Юля. Она откровенно недолюбливала профессора Терехова. – Какая разница, сегодня ты отправишься в свою Древнюю Русь или через неделю? Она

ведь от этого не станет менее древней, верно?

– Юль, не искушай. А то, в самом деле, пошлю профессора к черту.

– И правильно сделаешь, – подхватила Юля. – Ты ему не коллега и даже не ученик.

– Скорей уж лабораторный кролик, – хмыкнул Егор.

Юля взяла его за руку, потянула прочь от подъезда.

– Пойдем отсюда, Волчок, – попросила она. – Сходим в кино, посидим в японском ресторанчике. Пойдем, а?

Егор с улыбкой покачал головой:

– Ты же знаешь, я не люблю сырую рыбу.

– Ну, пойдем в украинский шинок и будем есть сало, борщ и пампушки. Признавайся, Волков: ты когда-нибудь ел борщ с пампушками?

Егор несколько секунд колебался, а потом со вздохом произнес:

– Нет, все-таки я пойду. Я ведь пообещал. Человек меня ждет, уже наверняка подготовил Машину к работе и даже выставил все настройки.

Юля внимательно посмотрела Егору в глаза.

– Дело ведь не в нем, да? – тихо спросила она. – Дело в тебе, Егор. Ты уже не можешь обойтись без этих жутких «перемещений». Ты подсел на них, как на наркотик.

Егор сдвинул брови.

– Возможно, ты права. Но если бы ты испытала то же, что и я…

– Я была бы рада отправиться с тобой куда угодно, – перебила Юля. – Хоть в пещеру к первобытным людям!

Волчок посмотрел на подругу удивленно:

– Правда?

– Конечно. Но, увы, это неосуществимо. Ты единственный человек, способный перемещаться во времени.

– Так будет не всегда, – сказал Егор. – Рано или поздно проф решит эту проблему.

Несколько секунд оба молчали, а потом Юля с досадой проговорила:

– Ладно, иди к своему профессору.

– А ты?

– Я подожду тебя в машине. Меня бесит от одного вида его крашеных усов. Если он задержит тебя надолго, позвони, и я поднимусь.

– Договорились.

2

Лифта в старом доме, подготовленном под снос, не было. Егор быстро вбежал на третий этаж, остановился перед дверью квартиры профессора Терехова, протянул руку к электрическому звонку, но вдруг заметил, что дверь не заперта.

Егор осторожно открыл дверь и, бесшумно ступая обутыми в кроссовки ногами, вошел в прихожую. Прислушался. Не услышал ничего подозрительного и прошел дальше.

В большой комнате, которая служила профессору Терехову и гостиной, и лабораторией одновременно, Егор увидел человека, роющегося в антикварном шкафу. Человек был высокого роста, одет в черную куртку и джинсы.

Вместо страха или тревоги Егор почувствовал в душе приятное волнение, которое часто охватывало его перед схваткой. В былое время он бы повел себя чрезвычайно осторожно, но привычка всегда и во всем брать верх сделала его излишне самоуверенным. Егор почувствовал, что в соседней комнате есть еще кто-то, но даже это его не остановило.

Он тихо взял с комода тяжелую хрустальную пепельницу и негромко окликнул:

– Эй!

Мужчина вздрогнул и обернулся. В руке у него тускло блеснуло лезвие ножа. В тот же миг Егор метнул ему в руку пепельницу. Незнакомец вскрикнул и, выронив нож, схватился за ушибленную руку.

– Кто ты такой? – спросил Егор у злоумышленника.

– Он тебе не ответит, – прозвучал у него за спиной спокойный голос.

Сухо щелкнул предохранитель пистолета. Егор замер на месте. Он по-прежнему не слишком волновался. Его бойцовские способности намного превосходили способности обычного человека. Он знал, что в любом случае окажется быстрее своих противников, однако не спешил устраивать драку. Для начала нужно было выяснить, что делают эти парни в квартире профессора и где, собственно, сам профессор.

– Спокойно, ребята, – сказал Егор. – Что здесь происходит?

Бандит, которому Егор отшиб пепельницей руку, тихо матерясь, поднял с пола нож, а второй, тот, что стоял у Волчка за спиной, холодно предупредил:

– Стой на месте, если не хочешь, чтобы я продырявил тебе башку!

– Я стою, стою, – заверил его Волчок. – Где профессор Терехов?

– Если ты про старика, то он в соседней комнате.

– Что вы с ним сделали?

– Пока ничего. Но если ты будешь дергаться…

– Так это ограбление? – с облегчением проговорил Егор.

Противник у него за спиной ядовито осведомился:

– А на что это, по-твоему, похоже?

Егор перевел дух и невольно улыбнулся.

– Ясно. Берите, что хотите, и уматывайте. Если обойдемся без эксцессов, я дам вам десять минут, чтобы вы смогли уйти подальше.

– Да ты у нас добрая душа! Рог, слыхал – к нам на огонек забрела добрая душа!

Бандит, держащий в руке нож, ухмыльнулся.

– Я серьезно, – сказал Волчок. – На стенах висят картины, каждая из которых стоит не меньше десяти тысяч баксов. А может, и больше.

Невидимый противник несколько секунд раздумывал, потом окликнул:

– Рог, займись картинами!

Парень в бейсболке кивнул и подошел к стене.

Егор глянул на шкаф, обычно уставленный серебряными вазочками и фруктовницами, но теперь пустой, усмехнулся и заметил:

– Вижу, серебро вы уже упаковали.

Ему не ответили. Парень, которого главарь назвал Рогом, воткнул лезвие ножа в картину и с хрустом вырезал красочный холст из золоченой рамы.

– Можно опустить руки? – спросил Егор.

Человек за спиной ответил:

– Стой, как стоишь.

– Как скажешь, командир. С профессором все в порядке? Вы его не покалечили?

– Я не калечу стариков.

Егор кивнул:

– Хорошо. Ведите себя правильно, и я вас не трону.

«Пожалуй, все не так страшно, как кажется, – подумал Егор. – Сейчас эти клоуны заберут все ценное и свалят из квартиры. Жалко, конечно, антикварного барахла – старик, кажется, любил все эти «буржуйские атрибуты роскоши». Но главное, чтобы налетчики не нашли сейф».

Едва Волчок об этом подумал, как человек у него за спиной громко окликнул:

– Дагер!

Из соседней комнаты вышел еще один грабитель – широкоплечий невысокий кавказец с мускулистой шеей профессионального борца. На Егора он даже не взглянул, а сразу уставился на главаря.

– Как там старик? – спросил главарь.

– Все еще в нокауте, – ответил чернявый Дагер. – Хочешь, чтобы я привел его в чувство?

– Сам очухается. Пошарь по стеллажам!

Кавказец кивнул, повернулся и зашагал к стеллажам, уставленным книгами, пробирками и деталями научных приборов.

Егор слегка напрягся. Картины, серебро – это еще куда ни шло, но какого дьявола они забыли на стеллажах?

– Гинца, тут что-то есть!

Чернявый зацепил ногтями небольшую выемку на стене и потянул за нее. Дверца старенького сейфа, вмурованного в стену еще лет тридцать назад, открылась легко и непринужденно, словно только и ждала, пока ее откроют.

– Что там? – быстро спросил главарь.

Дагер сунул в сейф волосатую руку и достал из него полиэтиленовый пакет. Заглянул в пакет и сообщил:

– Гинца, тут вещи.

– Какие вещи?

– Очки, браслет… – принялся перебирать предметы Дагер. – Еще часы и трубка.

– Бросай все в сумку!

По лицу Егора пробежала тень.

– Эти вещи ничего не стоят, – громко произнес он.

– Хлебало заткни! – грубо обронил главарь.

– Повторяю: они не имеют для вас никакой ценности.

– Да ну? – осклабился чернявый Дагер, пристально глядя на Егора. – Чего ж ты так напрягся?

Егор притушил мерцание в глазах и отвел взгляд, не желая обострять ситуацию и еще надеясь на благоразумие грабителей.

– Эти вещи дороги старику как память, – спокойно пояснил он. – Если вы их заберете, он будет сильно переживать.

Главарь за спиной у Егора засмеялся.

– Сейчас я зарыдаю!

Дагер свернул пакет и швырнул его в полосатую сумку. Егор сконцентрировался. Ситуация вышла из-под контроля, и медлить больше было нельзя.

Молниеносно развернувшись, Егор левой рукой выбил из пальцев главаря пистолет, а кулак правой руки обрушил ему в лицо. Сбитый ударом с ног главарь отлетел в угол комнаты и рухнул там на пол.

Егор повернулся и прыгнул к Рогу и Дагеру. Левой – удар в челюсть, правой – снизу, в переносицу. Дагер рухнул на пол, а Егор резко развернулся и как раз вовремя – Рог сделал выпад ножом. Егор успел блокировать удар, после чего перехватил запястье бандита, повернулся вокруг себя и сделал бросок через плечо. Но Рог, судя по всему, хорошо знал этот прием – перекатившись через спину Егора, он спокойно приземлился на пол и, мгновенно вскочив на ноги, снова ринулся в бой. Егор увернулся от ножа и достал бандита левой в челюсть, а затем, не давая ему опомниться, добавил правой.

Из соседней комнаты выскользнула еще одна фигура. Это был невысокий парень с азиатским лицом. В правой руке у него были нунчаки.

Егор с трудом увернулся от двух молниеносных ударов, скользнул бандиту за спину, схватил его за подбородок и одним резким движением свернул ему шею. Затем разжал руки, и бандит замертво рухнул на пол.

Егор быстро поднял с пола пистолет Гинцы, повернулся и направился к соседней комнате.

– Проф, вы целы? – громко позвал он.

– О, Господи! – вскрикнул кто-то у него за спиной.

Егор повернулся к двери и увидел Юлю. Она стояла у входа в комнату и с ужасом смотрела на тело азиата, голова которого была неестественно вывернута.

– Юля!

Она перевела взгляд на лицо Егора и попятилась назад.

– Егор… Что здесь…

Девушка осеклась, словно у нее внезапно перехватило в горле.

– Только не волнуйся. – Волчок поднял руку в успокаивающем жесте и шагнул к Юле. – Я тебе все объясню.

Юля снова попятилась, не отрывая глаз от пистолета, который держал в руке Волчок.

– Юля, это грабители. Они…

Из темноты прихожей вынырнули чьи-то руки и схватили Юлю за плечи. Егор бросился было к ней, но хриплый голос главаря шайки рявкнул:

– Стоять!

Егор увидел блеснувшее лезвие ножа, приставленное к шее Юли, и остановился.

– Молодец! – похвалил Гинца, по-прежнему скрываясь за спиной у девушки. – А теперь положи пистолет на пол и толкни его ко мне ногой!

Волчок медлил.

– Клади ствол, если не хочешь, чтобы я отрезал твоей сучке башку! – прорычал главарь.

Кончик лезвия проткнул кожу на шее Юли, и из разреза показалась струйка крови.

Лицо Егора потемнело.

– Не делай ей ничего, – хмуро протянул он. – Я верну тебе пистолет.

Егор нагнулся и медленно положил пистолет на пол.

– Не волнуйся, – сказал он Юле, стараясь, чтобы голос звучал спокойно и уверенно. – Все будет хорошо.

Волчок выпрямился и катнул пистолет ногою по полу. Гинца быстро поднял его.

– Теперь у тебя есть пистолет, – сказал ему Волчок. – Забирай награбленное и уматывай.

– Возьми клетчатый пакет, застегни его и поставь перед собой.

– Там есть вещи, которые вам не…

Гинца прижал кончик ножа к правому веку Юли, и она тихо вскрикнула.

– Я не буду повторять! – прорычал он.

Волчок молча застегнул сумку и поставил ее перед собой.

– А теперь отойди от сумки на несколько шагов!

Егор отошел. Главарь – широколицый, черноглазый, рябой, в черной кожаной куртке и синих джинсах – подошел вместе с Юлей к сумке, нагнулся и поднял ее свободной рукой. Затем, вновь приставив нож к горлу девушку, стал пятиться вместе с ней к двери.

Остановившись у двери, несколько секунд бандит смотрел Егору в глаза, а затем проговорил:

– Прощай, неудачник!

И быстрым, широким движением перерезал девушке горло. Кровь хлынула Юле на грудь. Бандит толкнул ее на Егора, развернулся и юркнул в темноту прихожей.

Егор бросился к Юле. Упав рядом с ней на колени, он пытался зажать рану и остановить кровь, но тщетно.

– Юля! – крикнул Егор в отчаянии.

Девушка была мертва. Егор застонал от горя, но вдруг оборвал стон и, резко повернув голову в сторону двери, на мгновение задумался. В глазах его полыхнул желтый звериный огонек.

Вскочив на ноги, он двинулся не в прихожую, а к ближайшему окну. Одним прыжком преодолев полкомнаты, Егор вышиб плечом стекло и нырнул в сырую ночную мглу.

Пока он падал, тело его быстро менялось. Ноги и руки Егора удлинились, мышцы под одеждой вздулись буграми, черты лица укрупнились и приобрели грубоватое, брутальное выражение.

Упав с высоты трех этажей, Волчок по-кошачьи мягко приземлился на ноги и быстро выпрямился. Его слегка качнуло в сторону, но он удержал равновесие. Затем поднял странно изменившееся лицо и вдохнул трепещущими ноздрями влажный воздух улицы.

Тысячи запахов хлынули ему в ноздри, но он мгновенно выделил из всей этой симфонии длинную, зловонную фистулу – запах убегающего врага. Егор опустил голову, сжал кулаки и бросился по следу убийцы, не обращая внимания на прохожих.

– О, Боже! – крикнул кто-то, отскочив в сторону.

Впереди маячила фигура беглеца, и Егор прибавил ходу, стараясь не обращать внимания на боль в ушибленной ступне.

Бандит бежал в хорошем темпе, как профессиональный спортсмен, однако расстояние между ним и преследователем стремительно сокращалось.

Гинца юркнул в переулок, Волчок последовал за ним. В переулке стоял мотоцикл. Бандит с ходу запрыгнул в седло и завел мотор. Мотоцикл, взревев, как зверь, рванулся с места и понесся по темному переулку к широкой дороге.

Егор, издав глухой, яростный звук, бросился следом. Он бежал изо всех сил, и первые несколько секунд ему удавалось сокращать дистанцию, но силы были на исходе и, призвав на помощь своего звериного Бога, Егор оттолкнулся ногами от асфальта. На мгновение ему показалось, что он застыл в воздухе, а в следующий миг он обрушился на спину бандиту всем своим весом.

Мотоцикл резко вильнул в сторону, налетел на бордюр и перевернулся. Все замелькало у Егора перед глазами, он сильно ударился о стену дома и рухнул на тротуар.

На какую-то долю секунды Волчку показалось, что удар вышиб из него дух, но, взяв волю в кулак, он поднял голову. Бандит был уже на ногах. Егор вскочил так быстро, как только мог.

В руке у Гинцы вспыхнула огненная точка, а затем что-то тяжелое хлестнуло Егора по груди. Он не понял, как снова оказался на земле. Боль была такая, словно кто-то вогнал ему в грудь железный кол. Волчок попытался встать, но тяжелый ботинок пнул его по лицу, и он снова опрокинулся на тротуар.

Над Егором навис черный силуэт, и вороненое дуло пистолета уставилось ему в лицо. Рукав куртки Гинцы задрался, и зоркие глаза Волчка разглядели на предплечье бандита блеклую татуировку, изображающую бабочку, а под ней несколько цифр – 012378.

– Ну, как тебе такой поворот, дружок? – хрипло проговорил Гинца.

И тут Егор увидел нечто такое, чему нельзя было дать рациональное объяснение. По темному лицу бандита пробежала тусклая радужная волна, черты этого лица на секунду исказились, а вслед за тем сложились в пульсирующее, подергивающееся подобие уродливой маски.

– Передавай привет своей сучке! – выдохнул Гинца.

Егор рывком приподнялся и сделал попытку схватить противника за ногу, однако Гинца отступил и нажал на спусковой крючок пистолета. Перед глазами у Егора ярко вспыхнуло, и он погрузился в небытие.

3

Все вокруг было подернуто белесым туманом, таким густым, что темнеющие вокруг деревья напоминали очертания домов. А может быть, это и были дома?

В тумане Егор разглядел высокий белый силуэт. Секунду поколебавшись, он двинулся навстречу этому силуэту. Чем ближе он подходил, тем туманнее делались очертания силуэта. Наконец Егор остановился и громко спросил:

– Кто ты?!

Белый незнакомец, окутанный туманом, отозвался голосом, похожим на эхо:

– Кто я? А ты сам как думаешь?

Егор нахмурился и ответил честно:

– Если я умер, а у меня есть основания так полагать, то ты, вероятно, ангел.

Человек в белом одеянии чуть склонил голову набок и сказал:

– Может быть, и так. А может быть, и нет.

– Не хочешь говорить, кто ты – не надо. Но скажи одно: я умер?

Белый человек не ответил. Егор огляделся. Все вокруг было призрачным и терялось в полосах тумана. Страха Егор не чувствовал. Он вновь посмотрел на белого человека и заявил:

– Это не похоже на ад.

– Почему ты решил, что ты в аду? – осведомился незнакомец.

– Я вервольф, демон-оборотень, – ответил Егор. – А демонам место в аду.

– Ты помнишь, как стал демоном? – спросил белый незнакомец.

– Да. Профессор Терехов отправил мое сознание в прошлое. Я закрепился в теле своего далекого предка, который жил когда-то в средневековой Германии. Он был моим «носителем». Когда я пробирался через Эльстарский лес, на меня напал волк-оборотень. Он укусил меня.

– Ты помнишь, зачем перемещался в прошлое?

Егор изо всех сил напряг память.

– Да… Брат профессора Терехова занимался квантовой физикой. В восемьдесят пятом году он проводил эксперимент, во время которого исчез вместе с лабораторией. Через несколько минут лаборатория снова материализовалась, но его там не было. Двадцать пять лет профессор Терехов искал способ вернуть своего брата и, в конце концов, понял, как это сделать.

– И как же?

– Он должен воссоздать условия эксперимента. И главное – вернуть вещи, которые исчезли вместе с пропавшим физиком. Квантовый вихрь разбросал их по разным временам и эпохам. Я должен был собрать их вместе.

Белый человек одобрительно кивнул.

– Что еще ты помнишь? – спросил он затем.

– Мало что… – Егор с усилием потер пальцами лоб. – Воспоминания ускользают от меня… Наверное, так и должно быть. Я всегда думал, что когда человек умирает, он оставляет груз воспоминаний на земле. Странно, что я еще хоть что-то помню.

– Твоя работа не закончена, Егор, – сказал белый незнакомец.

Волчок сдвинул брови.

– Не уверен, что хочу ее заканчивать.

Несколько секунд белый незнакомец молчал, а затем проговорил, и голос его прозвучал громко и веско:

– Когда-то ты поклялся служить Господу верой и правдой. Ты пообещал направить свою силу на добрые дела.

Егор дернул щекой:

– Это было в эпоху Средневековья. В то время все клялись именем Божьим.

– Ты был проклят и обращен в демона-оборотня, – продолжил белый незнакомец, словно не обратил внимания на слова Егора. – Но ты хотел избавиться от этого проклятия и заслужить себе прощение. Ты встал на правильный путь и должен пройти его до конца.

– Но я не хочу возвращаться, – упрямо произнес Волчок.

– Тебе придется это сделать.

Егор прищурил желтоватые глаза.

– А как же свобода выбора? – с холодной иронией осведомился он.

– У тебя ее нет, – ответил белый незнакомец. – Ты солдат, давший присягу. Такой же, как я.

Егор подождал, не добавит ли собеседник еще чего-нибудь, и, поскольку тот молчал, заговорил снова:

– Что меня ждет после возвращения?

Лица незнакомца было не разобрать в густом тумане, но Волчок понял, что тот усмехнулся.

– Для того чтобы это узнать, ты должен вернуться.

Егор помолчал, пытаясь собраться с мыслями, а потом неуверенно проговорил:

– Мне кажется, что со мной случилось страшное горе… Но я не могу вспомнить, какое именно.

– Ты говоришь о смерти? – уточнил белый незнакомец.

Егор покачал головой:

– Нет. Я говорю о потере, которая страшнее смерти.

– Возможно, так и есть. Но я сделаю так, что ты никогда об этом не вспомнишь.

– Почему?

– Ты должен быть сильным и действовать решительно. Так же, как действовал до сих пор.

– Но…

Слева и справа от незнакомца вспыхнули ослепительные языки белого пламени, напоминающие распростертые крылья. Не в силах выдержать это ослепительное сияние, Егор зажмурил глаза.

Глава 2

Воскресший

1

Врач хирургического отделения Андрей Сергеич Кочетков пил кофе, когда дверь кабинета приоткрылась и в щель всунулась красивая головка медсестры Олечки Самойловой.

– Андрей Сергеич, там с коматозником из седьмой что-то происходит! – взволнованно сказала она.

Доктор Кочетков, тридцатилетний, темноволосый, красивый и серьезный, поставил чашку на стол и быстро поднялся. Он поднялся бы в любом случае, но пациент из седьмой палаты интересовал его гораздо больше других. Это был необычный пациент, можно даже сказать – экстраординарный. В реанимацию его доставили чуть больше месяца назад с двумя пулевыми ранениями. Одна пуля вошла бедняге в грудь, перебила перикард, задела сердце и вышла из спины. Вторая нанесла еще более страшное ранение, она пробила пациенту левую височную кость, прошла через голову, повредив головной мозг, и вышла из темени, пробив в нем дыру двухсантиметрового диаметра.

После таких ранений человек обычно умирает. Но этот – выжил. И не просто выжил, а пошел на поправку. Поврежденные ткани регенерировались с невероятной быстротой, и сейчас, месяц спустя, они восстановились практически полностью.

Кочетков относился к странному пациенту ревностно, подтасовывая факты и ограждая информацию о его истинном состоянии от всего персонала клиники. Странный пациент был для Андрея Сергеевича превосходным шансом защитить диссертацию и получить докторскую степень, и он не собирался упускать этот

шанс или уступать его другому.

Насколько Андрей Сергеевич мог судить, полицейским так и не удалось установить личность пациента. Были в этом деле и другие удивительные факты, о которых Кочетков предпочитал не думать, поскольку никакого отношения к его будущей диссертации они уж точно не имели.

Одна беда: несмотря на быстрое заживление ран, пациент все еще пребывал в коме, и рассчитывать на то, что он из нее выйдет, особо не приходилось. По всей вероятности, нейронные связи, разрушенные пулей, не подлежали полному восстановлению.

И все же доктор Кочетков надеялся на чудо. Если оно уже однажды произошло, то почему бы ему не произойти вновь?

– Что там? – спросил Кочетков, уже шагая к двери.

– Всплеск мозговой деятельности!

– Ясно.

По коридору Кочетков вышагивал так стремительно, что Олечка не поспевала за ним.

В седьмой палате он обнаружил у кровати пациента еще одну медсестру.

Доктор Кочетков взглянул на монитор и отдал распоряжение:

– Анарпидол внутривенно!

Медсестра кивнула.

Пока сестры кололи пациента, доктор вгляделся в его лицо и прошептал:

– Невероятно.

– Готово, – сказала медсестра Олечка. – Доктор, у него показатели, словно у здорового человека!

– Да, вижу.

Пациент, лежавший на кровати, дышал глубоко и размеренно, а на щеках у него играл румянец. Доктор снова взглянул на монитор.

– Удивительно, – пробормотал он. Затем повернул голову и обронил, обращаясь к медсестрам: – Вы можете идти.

Те кивнули и привычно двинулись к выходу. Дождавшись, пока они выйдут и прикроют за собой дверь, доктор Кочетков вновь склонился над пациентом, осмотрел небольшой шрам у того на левом виске, нахмурился и сказал:

– Кто же ты такой, дружище? И почему так быстро восстанавливаешься?

На мгновение доктору показалось, что веки пациента дрогнули. Он снова пристально вгляделся в худощавое лицо коматозника.

Нет, показалось. Лицо парня оставалось неподвижным, хоть и выглядел он намного здоровее и даже свежее, чем несколько часов назад.

Доктор Кочетков хотел выпрямиться, но тут произошло нечто невероятное: правая рука пациента, обвитая жгутиками капельниц, взметнулась и схватила врача за горло. Тот отшатнулся, захрипел, попробовал вырваться, но пальцы больного держали его за горло так крепко, словно были сделаны из железа.

Пациент открыл глаза, посмотрел на доктора Кочеткова мутным взглядом, облизнул сухие губы и тихо спросил:

– Где я?

– В боль… нице, – вытаращив глаза от ужаса, сдавленно проговорил Андрей Сергеевич.

Пациент, продолжая держать Кочеткова за горло, повернул голову и огляделся. Взгляд его слегка прояснился, он снова посмотрел на доктора, скользнул взглядом по его белому халату.

– Вы доктор?

– Да…

Пальцы разжались, Андрей Сергеевич резко отпрянул и рухнул на стул.

– Вы с ума сошли! – прохрипел он и закашлялся, скривился от боли.

Пациент посмотрел на него странными желтоватыми глазами и тихо спросил:

– Как я здесь очутился?

– Вас доставили сюда с двумя пулевыми ранениями.

– Пулевыми?.. Куда меня ранило?

Доктор, несмотря на боль, не удержался от усмешки:

– Вопрос по существу. Пули вошли вам сюда… – Андрей Сергеич показал пальцем на свое сердце. – …И сюда. – Он ткнул пальцем себе в висок.

– Но я жив, – пробормотал пациент так, словно не был в этом уверен.

– Как ни странно, да.

Пациент закрыл свои золотисто-карие, мерцающие глаза. На лице доктора отобразилась тревога, он даже привстал со стула от волнения, но пациент снова разомкнул веки, посмотрел на Кочеткова и спросил:

– Сколько я уже здесь?

– Дольше, чем вы можете себе представить.

– Сколько? – повторил свой вопрос пациент, и на этот раз голос его прозвучал так резко, твердо и холодно, что Кочетков вздрогнул.

Нахмурившись, Андрей Сергеич ответил:

– Чуть больше месяца.

– Месяц, – повторил пациент и вдруг выгнулся дугой, побагровел и зашипел от боли.

– Что с вами? – быстро спросил доктор.

– Голова… раскалывается…

Кочетков схватил со столика шприц и ампулу, но пациент вцепился пальцами ему в руку, сжал ее и проговорил:

– Не надо…

– Это поможет одолеть боль, – пояснил доктор. – Я хочу вам помочь.

Пациент покачал головой, сжал зубы и несколько секунд лежал неподвижно. Потом расслабился, вновь взглянул на доктора и хрипло проговорил:

– Как это случилось?.. Кто в меня стрелял?

– Вас подстрелили на улице, – ответил Андрей Сергеевич, откладывая шприц. – Больше я ничего не знаю.

Несколько секунд парень лежал молча, затем вновь разлепил сухие губы и пробормотал:

– Я хочу отдохнуть.

– Да. Конечно. Разумеется. – Кочетков покосился на дверь, затем наморщил лоб и, чуть понизив голос, доверительно сообщил: – Полицейские просили известить их, когда вы придете в себя. Думаю, они сегодня же попытаются вас допросить.

Пациент молчал.

– Ну, ладно. – Доктор Кочетков поднялся со стула. – Отдыхайте, а я вас скоро навещу.

Уже у двери доктор вдруг остановился.

– Ах да, – сказал он, оборачиваясь. – Если захотите…

Он осекся. Пациент стоял на ногах, держась за спинку кровати. Доктор Кочетков вскинул брови:

– Что вы делаете?

– Собираюсь уйти, – ответил тот глухим, но твердым голосом.

– Но как же…

Парень оттолкнулся рукой от спинки кровати, подошел к Кочеткову и, глядя ему в глаза, холодно произнес:

– Снимайте халат, доктор.

– Что?

– Мне нужна ваша одежда.

– Но…

Глаза парня замерцали лютым, будто у зверя, огоньком, и Кочеткова от этого взгляда взяла оторопь.

– Сделайте это, док, – хрипло проговорил пациент. – Иначе мне придется раздеть вас самому, а это вам вряд ли понравится.

Неизвестно, что больше подействовало на Андрея Сергеевича – странный ли тон, каким были произнесены эти слова, или не менее странный взгляд, а может – и то и другое, – но доктор неожиданно смирился и сказал:

– Хорошо. Я сделаю, как вы просите. Но как только вы уйдете, я позвоню в полицию.

– Это ваше право, – холодно произнес пациент.

2

Редкие тусклые фонари не могли разогнать тьму, и парк был погружен в холодный, промозглый полумрак. Егор медленно прошел мимо стоек с рекламными щитами, на которых красовались одухотворенные лица артистов.

БОРИС ГРЕБЕНЩИКОВ – «БУДДА ХОДИТ ПО АРБАТУ».

ГАРИК СУКАЧЕВ – «СВОБОДУ АНЖЕЛЕ ДЭВИС!»

ГРУППА «ОКЕАН ЭЛЬЗЫ» – «Я НА НЭБі БУВ!»

Лица и имена артистов были Волчку знакомы, но он никак не мог восстановить в памяти связанные с этими лицами и именами воспоминания. Перед глазами мелькали какие-то смутные образы, строчки из песен, но едва он пытался сконцентрироваться на них, как слова тут же ускользали.

Заметив скамейку, он проковылял к ней. Его слегка мутило, а в голове стучал колокол. Сев на скамейку, он перевел дух и хотел уже подняться, чтобы идти дальше, но новый приступ боли пронзил его мозг, перед глазами заполыхали огненные протуберанцы, и Егор, понимая, что вот-вот рухнет на асфальт аллеи, вынужден был прилечь на скамейку.

Неизвестно, сколько времени он так пролежал. В голове дьявольской каруселью кружились строчки из песен:

Так сделай мне ангела,

и я покажу тебе твердь,

Покажи мне счастливых людей,

и я покажу тебе смерть.

І я відчуваю, як падаю в нэбо,

як падаю в нэбо, і краю нэма…

А небо становится ближе —

так близко, что больно глазам,

и каждый умрет той смертью,

которую придумает сам…

Его снова замутило. Он зажал уши ладонями. Песни смолкли, и боль стала тупее. Наконец боль слегка отступила, и Егор, расслабившись, погрузился в некое подобие мучительной дремы.

Из забытья его вывели человеческие голоса, и голоса эти приближались. Егор разлепил веки и увидел три приближающиеся фигуры. Впереди шел парень в белой куртке. За ним – светловолосая девушка и еще один парень в черном толстом шерстяном свитере.

– Маза фака! – воскликнул парень в белой куртке, остановившись перед скамейкой. – Тут кто-то дрыхнет!

Парни заслонили собой девушку и вгляделись в фигуру Волчка.

– Эй, мужик! – окликнул его парень в белой куртке. – Ты кто?

Егор разжал сведенные судорогой зубы и хрипло проговорил:

– Человек.

Парень ухмыльнулся:

– Сомневаюсь! Слышь ты, хрен с горы, валил бы ты отсюда. Здесь тебе не лежбище.

Егор не ответил. Новый приступ боли помутил его сознание, и на мгновение ему показалось, что он взмыл в воздух и уносится в ночную мглу.

– Эй! – снова окликнул его парень в белой куртке. – Оглох, что ли? Это наша любимая скамейка!

– Да чего ты ему впаривашь, он же пьяный! – подал голос парень, одетый в черный шерстяной свитер.

Егор хотел приподняться, но рухнул обратно. Подростки переглянулись.

– Что будем с ним делать? – спросил парень в черном.

– Возьмем за руки и за ноги и бросим в кусты, – ответил другой. – Пусть там дрыхнет.

– А если я захочу отлить? Подойду к кусту, расстегну «молнию», а там – он!

Парень в белой куртке ухмыльнулся:

– Боишься, что схватит за струйку?

– А че – вдруг сможет!

Парни заржали.

– Хватит вам, дураки! – оборвала их девушка. – Вдруг ему плохо? Вдруг он болен?

– Да ты посмотри на него! Он же здоровее нас, вместе взятых!

Егор застонал и попытался встать, но не смог. Парни оборвали смех.

– У него кровь на виске, – встревоженно проговорила девушка. – Давайте позовем кого-нибудь на помощь!

– А если он откопытится? – с сомнением возразил парень в белой куртке. – Нас же потом и посадят. Скажут, что это мы его.

– Но надо же что-то делать!

– Да что делать-то? – вспылил парень в белой куртке. – Посмотри на него – это же бомжара!

– Точно – бомжара, – подтвердил парень в черном. – А бомжи знаешь какие живучие? Мой батя одного такого машиной переехал, а тот вскочил и дал деру.

Егор задрожал, по телу его заходили судороги.

– О, Боже! – выдохнула девушка. – Да он совсем плох!

– Щас сдохнет, – сказал парень в белой куртке.

– Может, ему помочь? – со смехом предложил парень в свитере.

И в этот миг терпение Егора лопнуло. В глазах его вспыхнул желтый звериный огонь, клыки удлинились и заострились. Он резко приподнял голову и, обнажив огромные клыки, рыкнул на подростков.

Пару секунд они стояли неподвижно, оцепенев от ужаса, потом повернулись и, ни слова не говоря, пустились наутек. Вскоре вся троица скрылась из вида.

Волна боли отступила. Егор перевел дух.

«Чертов мегаполис! – подумал он. – Даже ночью негде скрыться от людских глаз!»

Превозмогая боль, он сел. Посидел немного, собираясь с духом, потом поднялся на ноги и, пошатываясь, побрел прочь. Время от времени боль отступала, и тогда он пытался сосредоточиться на своих мыслях, но мысли путались, словно у пьяного. Егору все время казалось, будто что-то важное ускользает от него. Какое-то воспоминание, связанное с кем-то, кто был ему близок и дорог. Неужели этот «кто-то» – профессор Терехов?..

Тоска, кольцом сжавшая сердце, показала, что это не так. Вновь от него ускользало что-то важное. На мгновение Егору показалось, что он смутно припомнил чье-то лицо – зеленые глаза, нежный абрис скул, светлые волосы…

Воспоминание ускользнуло так же внезапно, как появилось – кольцо тоски, сжимающее сердце, ослабло.

Часа полтора Волчок бродил по окраине города, подыскивая место, где можно отдохнуть и собраться с мыслями. Наконец ноги занесли его на какой-то пустырь, заваленный деревянными ящиками, мусорными баками и проржавевшими до дыр коробками гаражей-«ракушек».

Силы оставили Волчка, и он рухнул рядом с гаражом. По телу его пробегали волны судорог. Грудь и голова болели так, будто кто-то ковырялся в них раскаленным на огне железным прутом.

«Я умираю… – подумал Егор, но вместо жалости к себе в нем закипела злость. – Нет, я не согласен! Я выжил после выстрелов в голову и в сердце, и теперь не собираюсь подыхать на свалке, как бродячий пес».

Вздрагивая и кривясь от боли, Егор тихонько запел:

Ты помнишь – давным-давно

Я жил, как во сне, легко,

Но раненный кем-то волк

Вонзил мне клыки в плечо…

Песня помогла отвлечься от боли, и Егор, переведя дух, запел снова:

И я стал таким, как он,

Невидимым ясным днем…

Убийца и злой хозяин

В мире ночном…

На какой-то миг ему показалось, что боль отступила, но едва он расправил плечи, как новый приступ головной боли заставил его застонать. Боль была такая сильная и мучительная, что у Егора потемнело в глазах. И тогда он снова запел – стиснув зубы, хрипло и глухо, голосом, каким могут петь только мертвецы:

А ночь, словно боль, темна.

Зверь здесь, и он ждет тебя…

Ты чувствуешь вкус охоты,

Зверь этот – я!

И снова боль дала ему передышку. Егор облегченно вздохнул, и в эту секунду сноп света ударил его по глазам.

– Эй!

Егор вздрогнул и заслонился рукой от обжигающего глаза света.

– Уберите фонарь! – хрипло крикнул он.

Человек отвел луч фонаря в сторону, и Егор сумел разглядеть незнакомцев. Их было трое. Впереди – пожилой узкоглазый мужчина в сильно заношенном пальто и старой фетровой шляпе. Слева от него – невысокий толстяк с глуповатым лицом, справа – тощий и долговязый парень с красными глазами. Эти двое были одеты в заношенные до дыр ватники.

Пожилой мужчина в шляпе пристально посмотрел на Егора и спросил:

– Ты кто?

– А вы? – спросил в свою очередь Егор, разглядывая бродяг.

– Мы здесь живем, – ответил пожилой.

– Где живете? На помойке?

– Это не помойка. Это пустырь.

Егор обвел взглядом баки, коробки, костровища. Он понятия не имел, как его сюда занесло. Снова перевел взгляд на бродяг и спросил:

– Вы бомжи?

Пожилой улыбнулся:

– Люди нас так называют. Хотя нам больше по душе слово «бродяги». Кстати, меня зовут Марат Тимурович. Можно просто Тамерланыч. Это… – он указал на толстяка, – Кузьма. А вот этого тощего мы называем Крепыш. А как зовут тебя, добрый человек?

Егор снова попытался вспомнить, как он оказался на этом пустыре. Вспомнил больницу, доктора, потом разбитое окно, осколки которого расцарапали ему лицо. И еще свое имя – Егор Волков. Больше ничего.

– Меня зовут Волчок, – сказал он бродяге.

– Просто Волчок?

– Да.

– Хорошо, Волчок. – Тамерланыч улыбнулся, отчего лицо его приобрело добродушное и приветливое выражение. – Что с твоим лицом, Волчок? Ты попал

в аварию?

Егор потрогал пальцами покрытую набухшими ссадинами щеку и поморщился.

– Кошка поцарапала, – ответил он.

– Если хочешь, я дам тебе пластырь.

– Обойдусь.

Бродяги переглянулись. Толстяк Кузьма что-то шепнул на ухо Тамерланычу. Тот кивнул и снова заговорил, обращаясь к Егору:

– Ты голоден? Мы можем накормить тебя.

Желудок Егора скрутил спазм. Он только сейчас понял, насколько сильно голоден.

– Вижу, мое предложение тебе понравилось, – с улыбкой произнес Тамерланыч. – Идем к костру, добрый человек. Тебе надо согреться и поесть.

* * *

Тихо и уютно трещал в ночном мраке рыжий костерок. Егор оглядел закут, отгороженный большими кусками фанеры.

– Вы неплохо тут устроились, – сказал он.

– Да, – кивнул Тамерланыч, – нам тоже нравится. Держи!

Он протянул Егору кусок хлеба и открытую банку говяжьей тушенки.

Пока Волчок ел тушенку, Тамерланыч закурил и повернулся к тощему Крепышу, который сидел рядом, тихонько перебирая струны старенькой гитары, заклеенной в нескольких местах кусками скотча.

– Крепыш, спой нам что-нибудь, – попросил старик.

Тощий бродяга кивнул, прошелся по струнам громче и мелодичнее, а потом запел – тихим, сипловатым голосом, глядя на пляшущие языки костра:

Эй, ребята, как допьете вы вино,

Мне бутылки вы оставьте заодно.

Пожалейте вы несчастного БОМЖу.

Я их в сумку аккуратно положу.

Отнесу я завтра их в приемный пункт,

Мне за них шестьсят копеек отдадут.

Я куплю буханку хлеба и сырок,

Чтобы с голоду не протянуть мне ног.

– В последнее время быть бродягой стало опасно, – негромко проговорил Тамерланыч, обращаясь к Егору.

Тот швырнул опустевшую банку в мусорный бак, взглянул на старика и уточнил:

– Почему?

– Люди не любят нас.

– Они всегда вас не любили, – заметил Егор.

– Верно, – кивнул старик, протягивая Егору сигареты. – Но месяца два назад в Москве объявилась толпа отморозков, которые забивают бомжей палками.

– Палками?

– Ага. Как крыс или бродячих кошек. Эти ублюдки разъезжают на мотоциклах и называют себя «загонщиками».

Егор закурил, швырнул спичку в костер. Рядом Крепыш продолжал перебирать струны гитары и петь грустным, негромким голосом:

А я бычок подниму, горький дым затяну,

Покурю и полезу домо-ой.

Не жалейте меня, я прекрасно живу,

Только кушать охота порой.

– И как часто это происходит? – спросил Волчок, пуская дым.

– Что? – не понял старик.

– Эти убийства.

– Да почти каждую ночь. Москва – огромный город, и бомжей здесь больше, чем бродячих собак. Говорят, нас около ста пятидесяти тысяч.

– Неужели полиция вас не защищает?

Старик усмехнулся и покачал головой:

– Нет, сынок, не защищает. Чем меньше бродяг, тем лучше для города. Знаешь, сколько бомжей погибает в Москве каждую зиму от холода?

– Сколько?

– Несколько сотен. Их вывозят за город и закапывают в оврагах.

Егор затянулся крепкой сигаретой, выпустил облако косматого дыма и сказал:

– Впечатляющая статистика. А как ты стал бродягой, Тамерланыч?

Старик швырнул окурок в костер, помолчал немного, потом вздохнул и ответил:

– Два года назад я жил в Барнауле. Потом грянул кризис, работы у нас в городе не было никакой, и я решил податься в Москву. Продал квартиру, приехал в столицу. Хотел купить комнатку в Подмосковье, да не успел. В первый же день меня избили и ограбили. Прямо на вокзале. Так я остался без денег и без жилья. Это, собственно, вся история.

Егор понимающе кивнул.

– Ладно, сынок, мне пора. – Тамерланыч поднялся с деревянного ящика, на котором сидел. – Если будешь здесь утром, угощу завтраком. Спокойной ночи, добрый человек!

– Приятных снов! – пожелал Егор старику.

Тамерланыч пошел прочь от костра и через несколько шагов скрылся в темноте.

А тощий Крепыш все пел, гоняя по кругу одни и те же куплеты и припевы, и бродяги, сгрудившиеся возле костров, стали дремать под его негромкий, монотонный голос.

Ах, отпусти меня, товарищ старшина,

Я простой российский бомж, а не шпана.

Я не сделал ведь плохого никому.

Так за что меня берете, не пойму?

– Ну, а ты? – обратился Егор к толстяку Кузьме, который сидел поблизости. – Какая у тебя история?

Толстяк посмотрел на него хмурым взглядом и проронил:

– Я здесь недавно.

– А где был до этого?

– Напротив ТЭЦ-21, в промзоне, есть целый маленький городок из вагончиков. Там живут такие, как я. Живут цивильно, почти оседло. Я тоже так жил. А потом у нас началась война.

– С кем?

– С другими бродягами. По ту сторону МКАДа разбили лагерь кочевые бомжи. Они и раньше приходили, с первыми теплыми деньками, но нас не трогали. А тут вдруг решили выбить нас из наших вагончиков. Была большая война. Убили много наших, но я успел унести ноги.

Кузьма замолчал, огляделся по сторонам, потом достал откуда-то из-под полы литровую бутылку «Столичной», быстро свинтил крышку и протянул Егору:

– Угощайся. Тамерланыч не любит, когда мы пьем, поэтому приходится таиться.

Егор отхлебнул из бутылки и передернул плечами.

– Ну как? – спросил Кузьма.

– Отлично.

Кузьма взял у него бутылку, сделал глоток, поморщился, после чего покрутил головой и пожаловался:

– Шея болит. Не знаешь, от чего?

– Знаю, – сказал Егор, забирая бутылку. – Это значит, что в прошлой жизни ты был повешен.

– Как это? – удивился бродяга.

– Да вот так. – Егор отхлебнул водки, вытер рот рукавом пальто и продекламировал:

Я – Франсуа, чему не рад.

Увы, ждет смерть злодея,

И сколько весит этот зад —

Узнает скоро шея[1 - Франсуа Вийон. Перевод И. Эренбурга.].

Он передал бутылку толстяку-бродяге.

– Глотни и расслабься.

Тот рассеянно глотнул, передернул плечами и вернул бутылку Егору.

– Ты останешься с нами? – спросил он.

– Еще не знаю, – ответил Волчок. – Вдруг Тамерланыч не захочет.

– Тамерланыч – добрый мужик, – сообщил Кузьма. – Он никогда не отказывает тому, кто просит помощи. Знаешь… примерно с год назад Тамерланыч нашел среди мусорных баков здоровенного парня. У него были сломаны почти все кости, а из башки торчал железный штырь. Тамерланыч собрал народ, и мы аккуратно спустили парня в теплотрассу.

– Зачем?

– Дело было зимой, – объяснил Кузьма. – Тамерланыч хотел, чтобы парень умер по-человечески, а тот вдруг стал выздоравливать. Кости срослись, раны затянулись. Штырь, правда, так и остался торчать из головы, как рог, но Тамерланыч спилил его у самого основания.

– Штырь в голове – это круто, – одобрил Волчок. – Значит, парень полностью выздоровел?

– Угу. Одна беда – память ему отшибло напрочь. И было еще кое-что… – Толстяк настороженно покосился на Егора, словно размышлял, стоит ли доверить тайну незнакомцу или лучше поостеречься.

Егор отхлебнул водки. Закусил куском бородинского хлеба, который сунул ему под нос бродяга, и сказал:

– Рассказывай дальше.

И Кузьма продолжил рассказ:

– Память у здоровяка отшибло напрочь. Он часами сидел на ящике и шевелил извилинами, пытаясь хоть что-нибудь вспомнить. Но все было бесполезно. Однажды на внука Тамерланыча напала стая бродячих собак. Псы были здоровенные, как волки, но Торт бросился в самую гущу своры и стал крушить псам морды и сворачивать им шеи. Он убил всех псов. А потом подошел к Тамерланычу и сказал: «Теперь я тебе ничего не должен».

– Значит, его звали Торт?

– Да, – кивнул Кузьма. – Тамерланыч говорил, что у этого парня физиономия – как кремовый торт, который оставили под дождем.

– Неужели такой уродливый?

– Не то слово. Его будто рожей в кислоту макнули. – Кузьма передернул плечами.

– Что было дальше?

– Торт был с нами недели три, а потом сказал, что память начала к нему возвращаться. А еще спустя пару дней он ушел совсем. Вот так оно и было.

– С тех пор вы его не видели?

Кузьма покачал головой:

– Нет. Но Тамерланыч уверен, что когда-нибудь Торт вернется. Вернется, чтобы помочь нам.

Егор снова приложился к бутылке и сделал пару глотков. Потом еще пару. Кузьма посмотрел, как Егор пьет, и вдруг спросил:

– Ты алкаш?

Егор покачал головой:

– Нет. Просто я сбит с толку и расстроен. Ты открыл мне секрет, открою и я тебе. Несколько часов назад я сбежал из реанимационного отделения больницы.

– Ты сбежал из больницы? – удивился Кузьма.

– Да.

– А что с тобой случилось? Почему ты был в реанимации?

– В меня стреляли. Хирурги достали из меня две пули. Помнишь, ты рассказывал, что Торт долго не мог вспомнить, кто он такой?

– Ну.

– Со мной произошла та же история.

– И ты тоже не помнишь, кто ты такой?

Егор сдвинул брови, помолчал несколько секунд, потом ответил:

– Мне кажется, что какое-то воспоминание – возможно, самое главное – от меня ускользает.

– Вот оно как, – проговорил Кузьма. – Что ж, бывает.

Егор передал толстяку бутылку и задумчиво посмотрел на пляшущие языки огня. Ему снова показалось, что он вот-вот что-то вспомнит, но воспоминание опять ускользнуло от него, оставив после себя неуютное чувство пустоты.

– Так кто же ты такой? – спросил Кузьма.

Егор медленно повернул голову, посмотрел на бродягу хмурым взглядом и ответил:

– Я вервольф.

– Кто-кто?

– Оборотень. Так понятней?

Кузьма несколько секунд смотрел на Егора удивленным взглядом, не понимая, шутит тот или нет, потом улыбнулся и сказал:

– Ясно. Значит, ты умеешь превращаться в волка?

– Только когда полностью теряю над собой контроль.

– А что происходит, когда ты не полностью теряешь контроль?

– Я становлюсь сильнее. У меня обостряется зрение и обоняние, кости мои становятся крепче, а реакция лучше.

– Одним словом, ты превращаешься в супермена?

Егор улыбнулся:

– Я бы сказал – в доктора Хайда.

Кузьма хохотнул и осведомился:

– И давно это у тебя?

– С тех пор, как меня укусил оборотень в Эльстарском лесу.

– А что ты делал в этом лесу?

– Искал курительную трубку. Мне нужно собрать предметы, потерянные одним человеком.

– Зачем?

– Чтобы этот человек смог вернуться в нашу реальность.

– В нашу реальность? – Кузьма озадаченно нахмурился. – А сейчас он где?

– На границе миров, – ответил Егор. – Между жизнью и смертью.

– Между жизнью и смертью… – тихо повторил бродяга. – Вот оно что.

Егор взял бутылку, отхлебнул водки и закашлялся. Кузьма похлопал его по спине.

– Слушай, а давай ты меня укусишь, и я тоже стану оборотнем, – предложил он вдруг.

– Зачем тебе? – смахнув с ресниц выступившую слезу, спросил Егор.

– Я тоже хочу иметь сверхспособности. Может быть, они помогут мне разбогатеть.

– Если я тебя укушу – нас будет двое, – с улыбкой сказал Егор. – Два волка – это уже стая. А я предпочитаю охотиться в одиночку. Держи!

Егор протянул бутылку Кузьме. Пока тот пил, Волчок снова погрузился в размышления. Был еще один момент, который требовалось обмозговать. Егор отчетливо помнил момент схватки с человеком, которого звали Гинца. Он помнил, как сбил его с мотоцикла. И помнил, что уже секунду спустя бандит был на ногах, целый и невредимый. Более того, падая с мотоцикла, Гинца не только приземлился на ноги, но и успел выхватить пистолет.

Вспомнил Егор и то, как быстро умел бегать Гинца. Они пробежали несколько кварталов в бешеном темпе, а бандит после всей этой беготни и падения с мотоцикла дышал ровно и спокойно. Как такое возможно? Занятия спортом? Специальная подготовка?

Егор качнул головой: нет, сомнительно.

Тогда как?..

Бог весть.

Ему припомнилась еще одна деталь – татуировка на предплечье убийцы: бабочка и несколько цифр. Что это может означать? И главное – что за чертовщина происходила с лицом бандита? Волчок отлично помнил, как по этому лицу пробежало радужное сияние, а потом… Потом лицо стало терять форму – в буквальном смысле этого слова.

…Егор долго все это обдумывал, но так и не смог выдвинуть ни одной правдоподобной версии. Он вздохнул и качнул головой, прогоняя тяжелые мысли. Потом огляделся. Кузьма спал на расстеленном у костра матрасе, укрывшись газетами. Другие бродяги тоже спали, некоторые в коробках, другие – просто у костра.

Егор сделал еще один глоток, после чего поставил бутылку на землю, обхватил себя руками за плечи и закрыл глаза. Вскоре он задремал.

3

Проснулся Волчок от страшного грохота, резанувшего по ушам. Открыв глаза, Егор не сразу понял, что странный шум – это рев моторов. Он все еще был пьян, и пьян изрядно. По крайней мере, когда он взглянул на фары мотоциклов, фары эти закружились у него перед глазами сверкающей каруселью, и Волчка едва не стошнило.

– Байкеры-загонщики! – в ужасе крикнул Кузьма.

Вокруг завопили. Перепуганные бомжи выбрались из своих коробок и заметались по пустырю в свете мотоциклетных фар. Зрелище было сюрреалистическое.

Егор с силой потер пальцами виски. В голове ухал колокол. Накрапывающий дождь покалывал шею и лицо холодными иголками.

– Нам конец! – вопил кто-то.

– Они убьют нас!

Егор нащупал на земле бутылку с недопитой водкой, поднял ее и сделал пару глотков. Закашлялся, вытер рукавом куртки лицо и хрипло проговорил, обращаясь к оцепеневшему от ужаса Кузьме:

– Не бойся. Щас всех уделаем.

Он поставил бутылку на землю и попробовал подняться. Пространство перед лицом качнулось, ноги ослабли, и он снова рухнул на деревянный ящик.

– Дьявол… – прохрипел Волчок. – Кажется, я здорово надрался.

Пять или шесть мотоциклов образовали широкий круг и остановились. Еще два носились внутри круга, гоняя кричащих от ужаса бродяг.

Егор, морщась от шума, протер глаза костяшками пальцев и взглянул на байкеров. На мотоциклах сидели молодые, крепкие парни в кожаных «косухах». Один из них принялся палить по бродягам из пистолета – судя по всему, травматического.

– Убери пистолет, придурок! – рявкнул на стрелка широкоплечий, модно стриженный парень, сидевший на огромном «Харлее». – Ты нас перестреляешь!

Пистолет умолк.

– Биты к бою! – крикнул модно стриженный.

В руках байкеров откуда ни возьмись появились бейсбольные биты.

– Очистим Москву от швали! – крикнул лидер. – Чистка!

– Чистка! Чистка! Чистка! – поддержал его хор жизнерадостных голосов.

Моторы взревели с новой силой.

Егор снова поднялся на ноги, но почувствовал резкий приступ тошноты и покачнулся. Похоже, алкоголь действовал на оборотней так же скверно, как на людей.

Пока он пытался прийти в себя, на пустыре началось побоище. Молодые отморозки на мотоциклах с криками гонялись за мечущимися по пустырю бомжами и сбивали их с ног ударами бит.

Егор попытался пробудить спящего в душе зверя. Тело его завибрировало, мускулы волнами заходили под одеждой, правая кисть увеличилась в размерах и ногти на ней стали вытягиваться, но тут же снова втянулись, и рука приняла прежний вид.

Кости трещали под кожей у Егора, то увеличиваясь, утяжеляясь и выпячиваясь, то вновь уменьшаясь. Это продолжалось секунд десять, а затем Волчок снова стал самим собой. Поняв, что обращение не удалось, Волчок растерянно моргнул. Зверь, прячущийся у него в душе, был беспробудно пьян. Рассчитывать приходилось только на свои силы.

И тут краем глаза Егор заметил большую тень, взметнувшуюся над низкой крышей проржавевшей «ракушки», подобно гигантской птице. Тень перемахнула через крышу и мягко приземлилась на пустыре, среди мечущихся бродяг. Это был высокий человек в длинном темном плаще и в капюшоне, низко надвинутом на лицо.

Один из байкеров-загонщиков, издав гортанный клич, направил мотоцикл на гиганта в плаще, крутя на весу битой. Поравнявшись с гигантом, байкер привычно взмахнул битой, но тут случилось нечто такое, чего он явно не предвидел. Незнакомец перехватил биту, рванул ее на себя, крутанул в воздухе, а затем нанес отморозку сокрушительный удар в грудь. Байкер свалился с мотоцикла, а незнакомец в плаще повернулся к другому байкеру, ринулся ему навстречу, высоко подпрыгнул и ударил отморозка битой по лицу. Байкер рухнул на землю, а его мотоцикл, проехав несколько метров, врезался в стену гаража и загорелся.

Взгляды всех «загонщиков» обратились на незнакомца в плаще. Он стоял посреди пустыря, на фоне пылающего мотоцикла, с битой в руке, и лицо его было скрыто под низко надвинутым капюшоном.

– Мочи гада! – крикнул лидер байкеров, отбросил биту и вытащил из-за пояса травматический пистолет.

Еще двое «загощиков» выхватили пистолеты. Захлопали выстрелы. Незнакомец в плаще быстро вскинул согнутую в локте левую руку, защищая лицо. Резиновые пули отскочили от руки, головы и груди гиганта, не причинив ему вреда. А в следующую секунду гигант ринулся вперед, двумя прыжками покрыл расстояние, отделяющее его от главаря байкеров, и махнул битой. Мощный удар в плечо сшиб «загонщика» с мотоцикла, как кеглю, а гигант, закутанный в плащ, развернулся и с такой же невообразимой скоростью бросился на подельников главаря-байкера.

Бита замелькала в воздухе, раздавая удары направо и налево. Еще несколько «загонщиков» оказались на земле. Один из отморозков крутанул ручку газа и погнал взревевший мотоцикл прямо на незнакомца в плаще. Однако за миг до столкновения гигант шагнул в сторону, подхватил мотоцикл на ходу – вместе с седоком – и мощным броском швырнул его вверх. Трехсоткилограммовый мотоцикл, ревя и сверкая хромированным корпусом, пронесся по воздуху несколько метров и рухнул на землю.

И тут что-то дрогнуло у Егора перед глазами, а вслед за этим тонкая нейлоновая струна впилась ему в горло. Боль была нечеловеческая. Егор попытался просунуть под веревку пальцы, но тщетно. Глаза его налились кровью, из горла вырвался хрип. Он почувствовал, что вот-вот потеряет сознание, и вдруг его обуял гнев. Он, Егор Волчок, сражался с демонами в Средневековье, сворачивал шеи чудовищам-пластификатам на исходе двадцать первого века, вышиб мозги дюжине модифицированных солдат вермахта[2 - Об этом рассказывается в романах «Мастер гнева», «Темный горизонт» и «Имперский крест».], а сейчас вдруг возьмет и погибнет от руки простого отморозка?

Волна гнева захлестнула все его существо. Егор запрокинул руку и вцепился противнику в волосы. Затем резко рванул его на себя. Парень перелетел через голову Егора и рухнул на землю. Егор сгреб с шеи удавку и отбросил ее в сторону. Затем быстро поднялся на ноги, шагнул к отморозку, нагнулся, схватил

его за грудки и с силой швырнул в сторону ржавых гаражей. Пролетев несколько метров, байкер ударился о козырек гаража и свалился на землю.

– Неплохо, – пробасил незнакомый голос.

Егор обернулся. Гигант, закутанный в плащ, стоял у него за спиной. Скользнув взглядом по полю битвы, Егор увидел, что «загонщики» повержены. Некоторые из них лежали среди ящиков неподвижно, с бледными, перекошенными от боли лицами, другие пытались встать, но со стонами падали обратно на землю. Мотоциклы парней были разбросаны по пустырю, два из них были объяты пламенем.

Незнакомец отшвырнул биту, поднял руки и снял капюшон с головы. Егор открыл рот от изумления и с трудом перевел дух. Лицо гиганта – бледное, с крупными чертами – было все изрыто шрамами, и эти шрамы беспрестанно двигались, смещались, переплетались, сращивались и разъединялись. Время от времени по коже гиганта пробегали едва заметные радужные всполохи, словно лицо это освещалось изнутри мрачным, тускло тлеющим огнем, готовым разгореться в любую секунду. Голову гиганта венчал ежик очень светлых, почти белых волос. Глубоко посаженные, голубые, сумрачные глаза смотрели на Егора с холодноватым интересом.

Егор поднял с земли бутылку водки и немного отхлебнул. Затем протянул бутылку гиганту. Тот пару секунд стоял неподвижно, а потом взял бутылку, сделал большой глоток, после чего вытер рот рукавом плаща и вернул бутылку Егору.

– Торт, – сказал он глуховатым басом и протянул Егору руку.

– Волчок, – отозвался Егор.

Торт удержал его руку в своей лапе, пристально посмотрел Егору в глаза и тихо спросил:

– Мерцающий?

– Возможно, – ответил Егор, выдержав взгляд незнакомца.

Некоторое время Торт смотрел Егору в глаза, словно пытался проникнуть в его мысли, после чего спросил:

– Твоя клеточная структура так же нестабильна, как моя?

И вновь Егор ответил без колебаний:

– Думаю, что в моем случае все не так сильно запущено, – сказал он.

– Выходит, тебе повезло больше, чем мне, – пробасил гигант.

Он расстегнул правый рукав плаща и задрал его. На его мускулистом предплечье Егор увидел вытатуированную бабочку, а под ней шесть цифр – 012370. Когда мышцы гиганта напряглись, по крыльям бабочки пробежала волна радужного сияния.

Егор открыл от изумления рот, а Торт нагнулся, поднял с земли кусок стекла и сделал глубокий надрез у себя на запястье. Из разреза потекла кровь. Однако текла она недолго. Кожа и мышцы вокруг надреза завибрировали, и рана стала затягиваться. Спустя еще пару секунд процесс заживления прервался, края разреза снова разошлись и задрожали, как лепестки живого цветка. Из рубца выскочило крошечное розовое щупальце, замерло на миг, потом снова втянулось обратно. Разрез стал шире, и кровь перестала течь. На дне разреза что-то тускло замерцало. Егор пригляделся и с ужасом понял, что из разреза на него смотрит черный и круглый, словно у птицы, глаз.

Прошло еще несколько секунд, и рана снова стала затягиваться. Вскоре на месте разреза образовался шрам, а еще секунду спустя исчез и он. Торт опустил рукав плаща и посмотрел Егору в глаза.

– С каждым разом процесс восстановления проходит все медленнее и тяжелее, – сказал он. – Однажды мой организм забудет, как выглядел изначально, и тогда я превращусь в чудовище.

– А как насчет других? – спросил Волчок.

Торт глянул на него непонимающим взглядом.

– Других?

– Да. Не одни же мы такие.

Некоторое время Торт молчал, с угрюмым интересом разглядывая Егора, затем спросил:

– Тебе нужна работа?

– Да, – ответил Волчок.

– На «Петровско-Разумовской», недалеко от рынка, есть бар. Называется «У камелька». Подойди к бармену по имени Иван и скажи, что ты от меня.

– Ты работаешь на него?

Торт усмехнулся, покачал головой и с усмешкой проговорил:

– Я не бегаю в стаде, брат. Прощай!

Он развернулся и натянул на голову капюшон. Затем в несколько прыжков достиг гаража, взмахнул на крышу, пробежал по ней и растворился во мраке, как какой-нибудь супергерой из комикса.

Егор посмотрел ему вслед задумчивым взглядом, потом поднес бутылку к губам, но передумал и швырнул её в мусорный бак. Пить ему больше не хотелось.

4

Не успел Егор отойти от пустыря на километр, как до ушей его донесся вой сирены, похожий на визг богинь мщения, предвещающих расправу.

Острая боль пронзила поврежденную шею Волчка, захватила дыхание и едва не лишила его сознания. Перед глазами запрыгали желтые всполохи, а когда Егор

снова обрел способность видеть, он увидел белый полицейский «жигуль» с голубой полосой на боку, выскочивший из-за ржавых «ракушек», и услышал резкий визг его протестующих шин.

Сигнальные огни – красные и синие – отбрасывали яркий свет на мокрую дорогу и влажные от дождя стенки мусорных контейнеров.

Вой сирены оборвался, и машина резко остановилась в нескольких шагах от Егора. Передние дверцы машины открылись, из нее быстро выскочили двое полицейских. Укрылись за дверцами, и один из них крикнул:

– Брось пистолет! Брось, или откроем огонь на поражение!

До Егора только сейчас дошло, что он держит в руке травматический пистолет. Когда он успел поднять оружие?

Если он не выполнит приказ полицейских, они изрешетят его пулями и будут оправданы. Егор разжал пальцы, и пистолет со стуком упал на мокрый асфальт.

– Отбрось ногой подальше! – крикнул полицейский.

Егор сделал, как он велел. Полицейские поднялись во весь рост, но все еще держались за открытыми дверцами машины. Один из них крикнул:

– На землю! Лицом вниз! Руки за голову!

Егор подчинился. Он лег на мокрую землю и закинул руки за голову. Лежать на земле лицом вниз, под дулами пистолетов, было унизительно. Однако будь он на месте этих горлопанов, он потребовал бы того же.

Холод мокрой земли пронизывал до костей. В отдалении послышался вой еще одной полицейской сирены, через десять секунд патрульная машина выехала из-за угла и остановилась рядом с первой. Захлопали дверцы машины. Лежа на тротуаре, Егор молча наблюдал, как к нему приближаются еще два полицейских с пистолетами в руках.

Когда они остановились рядом, Егор приподнял голову и громко сказал:

– Я не вооружен!

– Мордой в землю! – рявкнул один из полицейских. – Быстро!

Егор сделал, как он велел. Полицейские склонились над Волчком, схватили его за руки, заломили их за спину и защелкнули на его запястьях стальные наручники. Егор припомнил, как часто видел подобную сцену в фильмах-боевиках, и усмехнулся. Чувство было дикое и жутко неприятное.

– Сука! – яростно проговорил полицейский и пнул Егора по ребрам.

Волчок поморщился от боли, затем приподнял голову, повернулся и посмотрел на полицейского.

– Чего уставился, недоносок? – грубо проговорил тот и поднес ботинок к лицу Егора. – Хочешь попробовать?

В душе Егора холодной, колкой волной стала подниматься злость. Мускулы его вздулись под курткой.

– Документы есть? – спросил полицейский.

Волчок не ответил. Полицейский присел на корточки и вынул из заднего кармана его брюк какие-то бумаги.

– Так-так, – проговорил полицейский. – Посмотрим, что тут у нас есть. Значит, Кочетков Андрей Иванович?.. Интересно. – Он отвел взгляд от документов, посмотрел на Егора и усмехнулся: – А паспорт-то фальшивый. И водительское удостоверение фальшивое. У тебя есть хоть что-нибудь настоящее, ублюдок?

– Да! – выдохнул Егор. – Зубы!

Он резко повернулся и вцепился зубами полицейскому в руку. Дальнейшее заняло не больше секунды. Раздался щелчок разорвавшейся стальной цепочки, соединяющей кольца наручников, а в следующий миг Егор был уже на ногах. Он полностью отдался во власть рефлексов и действовал, как живая машина,

сверхскоростная, запрограммированная на то, чтобы убивать и калечить людей.

Через минуту четверо полицейских валялись на земле. Один из них был без сознания, еще трое лежали на животах с заломленными за спину руками, запястья которых были сцеплены наручниками.

Егор изо всех сил пытался сохранить человеческий облик, и в конце концов ему удалось загнать зверя обратно в клетку. Он оглядел свои руки и ноги. Затем провел пальцами по лицу и облегченно проговорил:

– Слава богу.

– Кто ты? – прохрипел полицейский, который проверял у него документы.

– Оборотень, – ответил ему Егор.

Полицейский облизнул губы и сказал:

– Ты урод, ты знаешь об этом?

– Ты тоже, – сказал Егор. – Но я ведь тебя не обзываю.

Волчок повернулся, сунул руки в карманы куртки и быстро зашагал прочь. Он сумел загнать зверя в клетку, однако все еще чувствовал себя напряженно. Зверь мог снова вырваться на свободу, и Егор не хотел, чтобы полицейские в этот миг оказались рядом.

* * *

Утром следующего дня Егор навестил квартиру профессора Терехова. Дверь оказалась опечатанной, а когда Волчок вошел внутрь, он обнаружил записную книжку профессора, страницы которой были заполнены телефонными номерами. Некоторых из абонентов Егор знал. В основном это были те, с кем Терехов тесно сотрудничал: покупал у них детали для аппаратуры, консультировался по поводу своих научных изысканий и так далее.

С городского телефона профессора Егор обзвонил всех, кто мог хоть что-нибудь знать о Терехове, но никто из этих людей не сумел прояснить ситуацию. Профессор пропал около месяца назад, и с тех пор о нем никто ничего не слышал.

В два часа пополудни Егор покинул квартиру профессора. На душе у него было тяжело. Ему все время казалось, что было еще что-то, о чем он обязан вспомнить. Один ли он приехал к профессору в тот роковой день? Наверняка один. О перемещениях во времени знали только он и профессор Терехов. Это и неудивительно. Кому об этом расскажешь? Кто поверит? Сочтут психом, покрутят пальцем у виска – на этом дело и кончится.

И все же Егора не оставляло ощущение того, что память вернулась к нему не полностью и что он забыл о чем-то чрезвычайно важном. Однако как Волчок ни пытался, но ничего больше припомнить не смог.

В письменном столе у профессора Егор нашел огрызок химического карандаша. Он задрал левый рукав куртки и аккуратно вывел на предплечье контур бабочки. А под рисунком написал несколько цифр – 012375.

5

Бар «У камелька» затерялся среди переулков и дворов, и Егору понадобилось полчаса, чтобы разыскать его. Это было небольшое и довольно уютное заведение. Егор прошел к барной стойке и посмотрел на высокого, лысоватого человека, к нагрудному карману которого был прикреплен бейджик с именем – «Иван».

– Пятьдесят капель, – сказал он.

Лысоватый Иван кивнул, наполнил рюмку водкой и пододвинул ее к Егору. Егор залпом выпил водку и поставил опустевшую рюмку на барную стойку.

В центре зала стоял бильярд, и двое верзил криминального вида с энтузиазмом катали шары, запивая каждый удар добрым глотком пива.

Один из них, бородатый, в кожаной куртке, посмотрел на Егора и грубо окликнул:

– Эй, долговязый! Ты, случайно, не заблудился?

Егор не ответил.

– А чувак-то борзый, – сказал второй.

– Точно – борзый. Научим его вежливости?

– Давай.

Парни, держа в руках кии, двинулись к Егору. Он повернулся и взглянул на приближающихся верзил. Глаза Волчка замерцали желтоватым светом.

– Лучше бы вам меня не трогать, парни, – предупредил он.

Бородатый усмехнулся:

– Да ну?

– У меня плохое настроение, – сказал Егор, чуть повысив голос. – И у меня руки чешутся выместить его на ком-нибудь.

Верзилы переглянулись. И тут бородатый резко повернулся и ринулся на Егора с кием наперевес. Егор поднырнул под кий и ударил противника кулаком снизу вверх в подбородок. Удар был сокрушительный, голова верзилы резко запрокинулась назад, глаза его закатились под веки, а в следующую секунду он упал, грохнувшись затылком об пол.

Второй бильярдист на секунду замер, удивленно глядя на Волчка. Он не ожидал, что какой-то долговязый и субтильный парень сможет так легко вырубить его медведеподобного товарища. Однако бильярдист быстро овладел собой и устремился на Егора.

Волчок выбил из рук крепыша кий, перехватил его кулак, схватил противника за шиворот, протащил по залу и ударил его лицом о борт бильярдного стола. Крепыш отшатнулся, попятился, споткнулся об кий и рухнул на пол.

Егор вернулся к стойке. Вновь усевшись на высокий стул, он спросил у бармена:

– Есть сигарета?

Тот, со спокойным любопытством глядя на Егора, достал из кармана пачку «Кэмэла», вытряхнул одну сигарету и протянул Волчку. Дождался, пока клиент вставит сигарету в губы, и поднес к его лицу дрожащий огонек зажигалки.

Егор прикурил, пыхнул дымом и со значением проронил:

– Я мерцающий.

Бармен усмехнулся:

– Тут все мерцающие. Я после бутылки водки тоже мерцаю. Только не проси показать, мне еще работать.

Егор выпустил облако дыма, посмотрел сквозь него на бармена и сказал:

– Торт просил передать тебе привет.

– Я такого не знаю.

– Да ну?

Егор усмехнулся и неторопливо задрал рукав куртки. Дав бармену полюбоваться бабочкой, он снова опустил рукав.

– Налей-ка мне еще.

Бармен взял бутылку и наполнил рюмку доверху. Опустошив ее, Волчок почувствовал, как опьянение туманной, дрогнувшей волной коснулось его мозга.

Бармен пристально посмотрел ему в глаза и спросил:

– Что тебе нужно?

Егор спокойно выдержал этот взгляд и ответил:

– Работа.

– Какая?

– Любая.

Бармен усмехнулся.

– Какой ты покладистый. А если я предложу тебе сгребать навоз?

– Это вряд ли, – заметил Егор, насмешливо прищурившись. – Ты не похож на фермера.

Бармен сдвинул брови. Несколько секунд он молчал, потом вновь взглянул на Егора острым, проницательным взглядом и спросил:

– Машину водишь?

– Конечно, – ответил Егор.

– Насколько хорошо?

– Шумахер отдыхает.

Бармен задумчиво побарабанил пальцами по стойке.

– Есть где жить? – спросил он затем.

Егор качнул головой:

– Нет.

– Эту проблему мы решим. Моя сестра сдает комнату. Недалеко отсюда. До пяти звезд не дотягивает, но жить можно.

– А как насчет сигарет? – спросил Егор.

– Чего? – не понял бармен.

– Сигареты подаришь?

Пару секунд бармен смотрел на клиента непонимающим взглядом, потом усмехнулся, вынул из кармана пачку «Кэмэла» и протянул Волчку:

– Держи! Скоро у тебя будет так много денег, что ты сможешь купить себе целую фуру сигарет.

6

Дверь открыла женщина такой необычной внешности, что на мгновение у Егора захватило дух. Ростом она была никак не меньше метра восьмидесяти, весом – центнера в полтора, но при всей своей монументальности она сумела сохранить довольно привлекательное лицо, в котором проглядывало что-то лукаво-восточное.

– Диля, привел тебе жильца на ночь, – объявил бармен Иван.

– Проходите! – отозвалась женщина густым басом, распахнула дверь и посторонилась, позволяя гостям войти в прихожую.

Одета гренадерша была в красный цветастый халат, черные волосы ее были зачесаны назад и стянуты резинкой в пучок, напоминающий фонтан нефти.

– Я убегаю по делам, – сказал Иван. – Покажи ему тут все. Будут проблемы – звони.

Бармен поцеловал гренадершу в пухлую щеку, развернулся и вышел из квартиры.

Оставшись наедине с новым жильцом, хозяйка квартиры окинула взглядом его долговязую худощавую фигуру и спросила:

– Как зовут?

– Егор, – ответил тот.

– Правила простые. Не сорить на полу, не оставлять пятен на ковре, не мочиться мимо унитаза. Телефоном пользоваться можно, но у него отключена «восьмерка». Родственники в Москве есть?

– Нет, – ответил Егор. – И нигде нет. Я один как перст.

– Детдомовский, что ли?

– Угу. Что-то вроде того.

– Ясно. Баб и гостей не водить. Да, и еще – ко мне клинья не подбивать. Понятно?

Егор насмешливо прищурился:

– А в чем дело: не любите, когда за вами ухаживают?

– У меня уже есть ухажер. А ты для меня слишком хлипковат.

– Внешность бывает обманчива, – заметил Егор.

– Это ты моему ухажеру объяснишь, когда он из тебя узлы вязать будет.

– Ну, если все так серьезно…

– Серьезно, серьезно. Ладно, устраивайся тут. Если куда-нибудь намылишься – скажи.

– Да куда уж тут намыливаться, ночь на дворе. Разве что за бутылкой сбегаю.

– Бежать не надо, все есть в доме. – Гренадерша игриво прищурилась: – Тебе чего – водку или коньяк?

– Ни то и ни другое. Мне бы пивка пару бутылок – отполироваться.

– Будет тебе пиво. Баночное пьешь?

– Всякое пью.

– Располагайся, а я сейчас принесу.

Гренадерша повернулась и, величественно виляя огромными бедрами, вышла из комнаты.

– Вот это женщина, – протянул Волчок. – Мечта поэта.

– Я все слышу! – донесся из глубины квартиры мощный бас Дили.

– Еще и слух звериный, – хмыкнул Егор. – Повезло ухажеру.

Через минуту гренадерша внесла три банки пива и швырнула их на кровать:

– Вот тебе твое пиво. Рассчитаешься утром.

Она уже собралась уходить, но тут Егор взял две банки и взглянул на Дилю.

– Выпьешь со мной, красавица? – предложил он.

Гренадерша посмотрела на него хмурым взглядом и грубовато осведомилась:

– Клеишься?

– Нет. Ты ведь предупредила, что нельзя.

– А ты послушный парень?

– Иногда. Держи!

Он протянул ей банку пива. Секунду поколебавшись, Диля взяла ее и сковырнула скобку ногтем.

– За твою мощную красоту! – произнес Егор с улыбкой.

Они чокнулись банками. Диля хлебнула пива, вытерла мокрый рот краем цветастой шали, посмотрела на Егора смягчившимся взглядом и сказала:

– Трудно поверить, что такому красавчику негде остановиться в Москве.

– Тяжелое прошлое, – со вздохом проговорил Егор.

– Что, много набедокурил?

– Было дело.

– Вроде еще молодой. Когда успел-то?

Егор прищурил золотистые глаза и прочел:

Ужели вспомнишь без улыбки

Года блаженства моего,

Когда все члены были гибки,

За исключеньем одного.

Гренадерша Диля ухмыльнулась толстыми чувственными губами:

– Забавные стишки. Сам сочинил?

– Нет. Пушкин.

– Так ты еще и умник?

– Есть немного.

Диля пригубила пива. Егор тоже сделал глоток и поинтересовался:

– Значит, твой бизнес процветает?

– А тебе какое дело? Набиваешься в партнеры?

– А возьмешь?

Гренадерша с усмешкой оглядела Егора и качнула головой:

– Нет, не возьму. Я не доверяю тощим.

– По-твоему, я тощий?

– В сравнении со мной – да.

«В сравнении с тобой и Кличко будет выглядеть доходягой», – подумал Егор. Улыбнулся и вслух произнес:

– Я могу отъесться. Буду питаться одними гамбургерами и запивать их пивом.

– Не в коня корм, – насмешливо заявила Диля.

Егор засмеялся и спросил:

– Ну, а что насчет твоего брательника?

– А что с ним? – насторожилась гренадерша.

– Он вроде крепкий парень. И взгляд у него твердый. Ему бы в каком-нибудь ЧОПе работать.

– Он и работал.

– А чего ж бросил?

– Платили мало.

– А в баре, значит, много?

Диля отхлебнула из банки и облизнула толстые губы толстым языком.

– Он там не только бармен, он там совладелец. А барменом он еще до армейки подрабатывал.

– Как же он совладельцем стал? В чем секрет?

– А тебе какая разница?

Симпатичное лицо Егора озарилось улыбкой.

– Я тоже недавно дембельнулся, – весело сообщил он. – Может, и у меня получится.

– А у тебя есть богатый армейский дружок, который собирается открыть бар?

– Пока нет.

– Вот когда будет, тогда и мечтай. – Диля допила пиво, смяла банку в могучей руке и швырнула в мусорную корзину. – Не забудь рассчитаться за пиво, красавчик.

Она подняла свой грузный остов с кровати и зашагала к двери, и поступь ее была так тяжела, что казалось, будто сотрясается весь этаж.

– Погоди, – сказал ей вслед Егор.

Гренадерша остановилась.

– Чего еще?

Егор поднялся с кровати, быстро подошел к Диле и обнял ее за талию. Посмотрел в ее воловьи, густо обведенные тушью глаза и спросил:

– Может, останешься?

– С какой стати?

– Я хороший парень.

– Да ну?

– Точно тебе говорю.

Он сжал ее в объятиях. Гренадерша положила Егору руку на грудь и оттолкнула его от себя. Сила у нее была богатырская, и Егор едва устоял на ногах. Отступив на шаг, он усмехнулся и вопросил:

– Кошечка любит царапаться?

– Еще раз попробуешь пристроиться, я тебя так поцарапаю, что мало не покажется.

– Ловлю тебя на слове, крошка.

– «Крошка»? – Диля повела могучими, будто у штангиста, плечами. Усмехнулась: – Веселый ты парень, Егор.

Он кивнул:

– Не то слово. Бывает, посмотрю на себя с утра в зеркало – и давай хохотать. До обеда остановиться не могу.

Гренадерша засмеялась, погрозила Волчку пальцем и вышла из комнаты. Егор задумчиво посмотрел на закрывшуюся дверь. Он чувствовал себя героем одного из тех детективов в стиле «нуар», которые так обожал в юности. Повернув голову к зеркалу, Егор посмотрел на свое отражение, прицелился в него пальцем и тихо проговорил:

– Филипп Марлоу, частный детектив. – Потом усмехнулся и пробормотал: – Что я делаю?

На Егора вдруг снова накатила тоска и на несколько секунд выморозила ему душу. У него опять возникло ощущение, что он что-то позабыл. Что-то чрезвычайно важное, то, без памяти о чем и жить нельзя.

Но волна тоски откатила, и оказалось, что жить дальше очень даже можно. Егор посмотрел на свое отражение в зеркале, подмигнул ему, а затем достал из кармана пачку «Кэмэла», подаренную барменом Иваном, вытряхнул одну сигарету, вставил ее в губы и сказал:

– Я распутаю это дело. Или я не Филипп Марлоу?

7

Итак, звериный инстинкт не обманул его и привел туда, куда надо. Удивительное дело, если вдуматься. Но лучше не вдумываться, а довериться своему волчьему нюху и идти туда, куда он укажет. Когда разум отказывается работать, приходится полагаться на инстинкт и интуицию. Эта парочка не подведет.

Егор допил пиво, смял банку в руке и швырнул в мусорную корзину. Потом завалился на кровать, закинул руки за голову и прикрыл глаза. С полминуты он

лежал неподвижно и уже задышал ровно и глубоко, как дышит уснувший человек, но вдруг открыл глаза и недоуменно уставился на потолок. Егор почувствовал, как по его телу разливается слабость. Руки и ноги стали невероятно тяжелыми, веки стали горячими и отяжелели, словно у больного человека.

Перед глазами у Егора запрыгали желтые точки. Несколько секунд он боролся с волнами слабости, а потом глаза его закатились под веки, и он отключился.

Когда Волчок очнулся, в комнате было по-ночному темно. Сперва он услышал шорох. А потом увидел то, чего ему не полагалось видеть: Диля, стоя возле стула, обшаривала карманы его куртки.

Егор все еще чувствовал себя паршиво, но тело вновь слушалось его. Он приподнялся на кровати и сухо осведомился:

– Что-то потеряла?

Гренадерша вздрогнула и быстро оглянулась.

– Я поправляла твою одежду, – выпалила она.

– Да ну?

Секунда – и Егор оказался возле Дили. Схватив гренадершу за локоть, он холодно спросил:

– Когда появится твой брат?

– Не знаю! – резко ответила Диля и попыталась вырвать руку, но Егор не дал.

– А если подумать? – спросил он и сдавил пальцами ее предплечье.

– Минут через десять! – со злостью сказала гренадерша.

– Пиво было «заряженное», верно? Зачем ты меня отравила?

– Я не травила! Это было… снотворное.

– И часто вы проделываете этот фокус с постояльцами?

Гренадерша усмехнулась:

– Ты мне не платил, значит, ты не постоялец.

Воспользовавшись тем, что Волчок ослабил хватку, она вырвала руку и вдруг набросилась на Егора, вцепилась ручищами ему в горло и повалила его на кровать.

Гренадерша оказалась невероятно сильной. Егор с трудом оторвал ее лапы от своей шеи, размахнулся и въехал ей ладонью по губам. Диля отлетела от кровати и рухнула в кресло, но тут же вскочила снова. Она дважды махнула кулаками.

Будь Егор простым человеком, эти удары, вне всякого сомнения, достигли бы цели и сбили бы его с ног, однако он без труда увернулся от пудовых кулаков гренадерши и влепил ей еще одну пощечину. Диля снова оказалась в кресле и на этот раз уже не делала попыток продолжить борьбу.

Егор шагнул к креслу, положил руки на подлокотники и приблизил свое лицо к лицу гренадерши.

– Ты и впрямь думала, что сможешь меня задушить?

Диля, угрюмо глядя на Егора, вытерла рукою разбитые губы, усмехнулась и сказала:

– Попробовать стоило.

– Еще раз попробуешь – сверну тебе шею. Поняла меня?

– Поняла. Откуда ж я знала, что ты такой крутой?

Волчок выпрямился и засмеялся.

– Весело ему, – проворчала гренадерша с кривой ухмылкой. – И что ты будешь делать дальше? Вызовешь ментов?

– Менты мне не друзья, – сказал Егор. – Вставай.

– Зачем?

Егор не стал повторять просьбу, он резко схватил Дилю за шиворот и рывком поднял на ноги. Ворот ее роскошного халата затрещал, по шву пробежал разрыв. Шея и часть огромной груди Дили обнажились, и Егор увидел у нее под ключицей вытатуированную бабочку.

– Тебя, я вижу, не учили обращаться с женщинами? – злобно сверкая глазами, проговорила гренадерша.

– Простите, дамочка, но мне сейчас не до хороших манер. Идем!

Егор потащил Дилю к ванной. Гренадерша пыталась сопротивляться, но Егор, не обращая на это внимания, швырнул ее в ванную и запер за ней дверь на щеколду.

И в этот момент в дверь позвонили.

– Сиди тихо! – сказал он. – Вякнешь – утоплю в унитазе!

Егор быстро вышел в прихожую, открыл дверь и отступил за угол. В прихожую вошел бармен Иван.

– Давно не виделись, – сказал Волчок.

Бармен оглянулся. Он ничем не выразил своего удивления, лишь спокойно уточнил:

– А ты чего здесь?

– Проходи в гостиную, надо поговорить, – сказал ему Егор.

– А где моя сестра?

– Послал за сигаретами. Скоро вернется.

Зрачки бармена сузились.

– Она никогда не ходит за сигаретами для клиентов.

– Для меня она сделала исключение.

– С чего это вдруг?

Егор усмехнулся:

– Наверное, я ей понравился.

Бармен сунул руку за лацкан пиджака, но Егор молниеносно схватил его за запястье и холодно проговорил:

– Выкладывай: что вы тут затеяли?

– Тихо, солдат, тихо! – Иван натянуто улыбнулся. – Все хорошо.

– Хорошо? Твоя толстуха сестра подсунула мне «заряженное» пиво, а когда я отключился, обшаривала мою одежду!

Бармен насмешливо выкатил глаза.

– Быть того не может. Думаю, ты ее с кем-то перепутал.

– Я сейчас перепутаю твою башку с футбольным мячом! – прорычал Егор.

– Тише, – снова сказал бармен. – Считай, что это была проверка. И ты ее прошел. – Глаза Ивана тускло замерцали. – У меня есть одна работенка. Как раз для такого крутого парня, как ты.

– Что за работенка?

Бармен скосил глаза на руку Егора, которой тот все еще сжимал его запястье.

– Убери грабли и спокойно все обсудим. Идет?

Волчок несколько секунд смотрел Ивану в глаза, потом разжал пальцы.

– Мудрое решение, – с ухмылкой одобрил бармен и пригладил пиджак на груди.

Из ванной комнаты донесся приглушенный мат. Иван посмотрел в ту сторону, перевел взгляд на Егора и сказал:

– Надеюсь, ты ее не сильно покалечил, солдат? Иначе мне придется оторвать тебе руки.

– С толстухой все в порядке, – заверил его Волчок. – Так что за работа?

– Работа? – Блеск в глазах бармена стал холодным и недобрым. – В карты играешь? – спросил он вдруг.

– Не особо, – ответил Волчок.

– Тем лучше. Через полчаса выезжаем.

– Куда?

– На игру. Отвезешь меня до места, а потом, после игры, заберешь обратно.

– И все?

– И все.

Бармен сунул руку в карман пиджака и достал бумажник. Раскрыл его, вынул несколько тысячных купюр и протянул Егору:

– Это аванс. После дела получишь больше.

– Насколько больше?

– Намного.

Волчок взял деньги и спрятал их в карман.

– Можешь пока покемарить, – сказал ему бармен.

– Спасибо, я не устал.

– Тогда выпей кофейку. Вид у тебя помятый. А я пока освобожу сестру. – Иван дружески хлопнул Егора по плечу и добавил: – Она не ожидала, что ты окажешься таким крепким орешком!

– А если бы не оказался? – в тон ему спросил Волчок.

– Ты был бы уже не жилец.

8

Час спустя Егор курил возле черной «БМВ», пуская клубы сизого дыма в холодный ночной воздух. Иван и двое его подельников стояли в десяти шагах от машины и тихо переговаривались. Благодаря звериному слуху, Волчок слышал их разговор от первого до последнего слова.

– Кто твой шофер? – спросил один из подельников, который держался как главарь.

– Мерцающий, – ответил ему бармен Иван. – Нормальный вроде парень.

– Где ты его откопал?

– Торт прислал.

– Торт? – Собеседник бармена коротко и эмоционально выругался. – Торт – одиночка. Я ему не доверяю.

– Дагера завалили, а нам нужен водила, – сказал бармен.

– Ладно, пусть будет, – после короткого размышления согласился его собеседник. – Но смотри, Ваня, если что-то пойдет не так – я прикажу Паку содрать с тебя шкуру живьем.

При этих словах он кивнул на кривоногого узкоглазого крепыша, стоявшего рядом.

– Все пройдет хорошо, Гинца, – заверил его бармен Иван. – Ты же знаешь, у меня чутье.

Подельники зашагали к невысокому зданию, в подвале которого располагался нелегальный игровой клуб, а бармен Иван повернулся к машине и громко произнес:

– Будь на стреме, брат! Мы скоро вернемся!

Егор кивнул. Бармен быстрой походкой нагнал своих подельников.

Швырнув окурок, Егор забрался в машину. Он чувствовал, как напряглись мышцы у него под футболкой и курткой. Гинца! Тот самый неуязвимый Гинца, для которого молниеносный прыжок с движущегося мотоцикла – сущий пустяк, а бег со скоростью тридцать километров в час – что-то вроде необременительной вечерней пробежки. Да и азиата Егор узнал. Правда, когда он в последний раз видел узкоглазого крепыша, тот лежал на полу со свернутой шеей.

– Что же тут, черт подери, происходит? – пробормотал Егор, сжав колесо руля так крепко, что у него побелели костяшки пальцев. – Роботы они, что ли?

Размышлять долго Егору не пришлось. Из клуба донеслись хлопки выстрелов, затем двери распахнулись, и на улицу выскочили Иван и Гинца. В руке у Гинцы была спортивная сумка. В этот миг дорогу им преградили двое гардов с пистолетами в руках, выскользнувшие из другой двери.

Гинца что-то крикнул. Бармен Иван кивнул и ринулся вперед. Со скоростью ветра пробежал он десять метров, отделявшие его от гардов, и прыгнул на них, как разъяренная кошка. Охранники вскинули пистолеты и успели по разу нажать на спуск, но пули ушли в воздух. В падении бармен схватил охранников за шеи и опрокинул их на спины. Затем быстро поднял руки, сжал кулаки и нанес гардам сокрушительные удары в их искаженные от злобы лица. Затылки охранников стукнулись об асфальт.

Иван поднялся на ноги и небрежно отряхнул брюки. В этот миг из-за куста сирени вышел еще один охранник, поднял пистолет и прицелился бармену в спину. Однако выстрелить гард не успел – какая-то сила рывком втянула его в темноту. Чуткое ухо Волчка уловило хруст сворачиваемой шеи, а затем из тьмы вышел узкоглазый бандит Пак. Он что-то бросил обратно во тьму, и Егор с отвращением понял, что это оторванная голова охранника.

Все трое торопливо двинулись к машине, но тут взвыл сигнал тревоги, и от темных деревьев сквера отделились несколько черных фигур.

Пак выхватил из широких карманов две цепочки, на концах которых тускло блеснули два широких лезвия. Он молниеносно крутанул руками – лезвия засвистели в воздухе. Одно из лезвий вспороло горло ближайшему охраннику, второе срезало другому охраннику кисть, держащую пистолет. Крепыш Пак снова крутанул лезвиями, и еще двое охранников упали на землю с перерезанными шеями.

Разделавшись с гардами, Пак дернул цепочки на себя, ловко поймал ножи, вытер их об траву и сунул в карманы куртки.

Из темноты парка выбежали новые охранники.

– Да сколько же вас тут! – воскликнул Гинца клокочущим голосом.

Охранники, вынырнувшие из парка, открыли огонь из пистолетов. Бармен Иван и кореец Пак бросились было вперед, но Гинца остановил их.

– В машину! – крикнул он, швырнул сумку азиату и, выхватив из-за пояса пистолеты, побежал прямо на охранников, с невероятной скоростью лавируя между свистящими возле его лица пулями.

Когда до охранников оставалось метров пятнадцать, он вскинул пистолеты и несколько раз нажал на спусковые крючки. К тому моменту, когда он добежал до охранников, все они лежали на земле. Гинца несколькими выстрелами добил тех, кто еще был жив, развернулся и побежал обратно к машине.

– Подай! – крикнул он на ходу.

Егор вдавил педаль газа и бросил «БМВ» к Гинце, на ходу развернул машину, и Гинца щучкой нырнул в раскрытую заднюю дверцу.

– Гони! – приказал он.

Позади загрохотали выстрелы. Одна из пуль разбила заднее стекло, еще несколько чиркнули по корпусу машины.

Мотор «БМВ» взревел. Новые охранники, взявшиеся невесть откуда, уже закрывали ворота, но Егор направил машину прямо на них. Мощный удар – и створка железных ворот отлетела в сторону вместе с одним из гардов, который не успел увернуться.

Автомобиль выскочил на широкую дорогу и понесся по ней, набирая скорость.

– Ушли! – выдохнул Иван, сидя рядом с Волчком и глядя на проносящиеся мимо витрины магазинов и неоновые вывески ресторанов.

– Сколько мы взяли? – спросил кореец Пак.

Гинца порылся в сумке и сообщил с довольным видом:

– Около пятисот кусков.

– Долларов? – спросил, не оборачиваясь, Егор.

Гинца у него за спиной ухмыльнулся.

– Долларов, брат. Конечно, долларов.

– Пятьсот тысяч – хорошая сумма, – сказал бармен Иван. – И главное – ни в одной ориентировке наши рожи не засветятся, и никто этих денег не хватится.

– Кроме бандюков, – негромко возразил Пак. – Эти будут рыть носами землю.

– Пусть роют, – проговорил Гинца. – Сами же в нее и лягут. Эй, водила… Как тебя там?

– Егор, – отозвался Волчок.

– А ты молодец, хорошо водишь. Какого года выбраковка, мерцающий?

– Нынешнего, – ответил Егор, не задумываясь.

– Нынешнего? – Волчок увидел в зеркальце, как Гинца озадаченно нахмурился. – Выходит, проект не свернули? А я слышал, за генералов и гэбню серьезно взялись.

Несколько секунд Гинца молчал, с хмурым видом обдумывая слова Волчка, потом снова улыбнулся и легонько хлопнул его по плечу.

– Не менжуйся, брат. С нами ты в безопасности.

– А как насчет ФСБ? – осторожно спросил Егор. – Эти парни вас не ищут?

Гинца и кривоногий крепыш переглянулись, и на физиономиях их появились холодные усмешки.

– С любым можно договориться, брат, – весело сказал главарь. – И с гэбней, и с чурбанами в генеральских папахах. Были бы деньги. А у нас они есть. И у тебя появятся, если будешь себя правильно вести. С нами не пропадешь!

– Надеюсь, что так, – сказал Егор.

– Сверни здесь! – приказал Гинца.

Егор свернул в темный переулок.

– Куда мы едем? – спросил он.

– В ангар. Рули вперед, никуда не сворачивая, а возле старой котельной снова поверни направо. Минут через десять будем на месте.

9

В ангаре царил полумрак. Повсюду были навалены огромные ящики. Пахло гнилыми досками и ржавым железом.

– Послушай, Иван…

Егор повернулся к бармену, и тут перед глазами у него вспыхнуло, голову пронзила боль, и он понял, что теряет сознание.

…Очнувшись, Егор обнаружил, что привязан к стулу. Руки его были стянуты за спиной скотчем, ноги – примотаны к ножкам стула. Гинца стоял напротив Егора и смотрел ему в лицо внимательным, спокойным взглядом. Щеки, изрытые оспинками, черные, глубоко посаженные глаза. Вид у главаря был свирепый.

Кореец Пак и бармен Иван сидели в углу ангара за стареньким колченогим столом и играли в карты. На столе стояла початая бутылка «Мартеля» и два стакана, до половины наполненные коньяком.

Егор повернул голову и краем глаза разглядел у себя за спиной стеллаж с инструментами и несколькими флаконами каких-то техжидкостей. На одном из флаконов Егор успел заметить надпись – «Клей аэрозоль».

Волчок посмотрел в глаза Гинце и спросил:

– Ну? И что дальше?

Бандит чуть склонил голову набок и проговорил холодным, презрительным голосом:

– Ты думал, я тебя не узнаю?

– Была такая надежда, – сказал Егор. Он сплюнул бандиту под ноги и хрипло добавил: – Это ты ограбил квартиру профессора Терехова.

Гинца пропустил его слова мимо ушей. Он смотрел на Егора с холодным интересом.

– Я всадил тебе пули в сердце и в голову. Как ты сумел выжить?

– Вероятно, мне повезло, – ответил Волчок, сверля бандита яростным взглядом.

Гинца вынул из кармана складной нож, выщелкнул лезвие и резанул Егора по лицу. Волчок дернул головой и стиснул зубы, чтобы не застонать от боли. Бандит наклонился и внимательно посмотрел на разрез.

– Твоя клеточная структура стабильна, – сказал он. Потом выпрямился, задумчиво сдвинул брови и добавил: – Ты не такой, как мы. Ты не мерцаешь.

Егор улыбнулся окровавленными губами.

– Ошибаешься, брат. Я тоже умею мерцать. Потри мои щеки и обнаружишь под серой пудрой жизнерадостный румянец.

– Ты не такой, как мы, – повторил Гинца задумчиво. – Но ты силен, как мы. Кто ты такой? Отвечай мне.

Егор прищурил золотисто-желтые глаза.

– Смотрел «Ну, погоди»? Я тот зубастый парень, который вечно гонялся за зайцем. Только намного круче.

Гинца ухмыльнулся, затем сжал правую руку в кулак и ударил Егора в челюсть. И еще раз – в подбородок. Потом снова в челюсть. Удары были чудовищной силы, и голова Егора моталась на шее, как тряпичная.

Дождавшись, пока у Волчка прояснится в глазах, Гинца сказал:

– Попробуем еще раз. Кто ты такой?

– Не думаю, что ответ тебе понравится, – с трудом шевеля ушибленной челюстью, проговорил Волчок.

– А ты попробуй.

Егор посмотрел по сторонам, затем чуть наклонился вперед и доверительно сообщил:

– Я – принц Уильям. С минуты на минуту сюда ворвется английский спецназ и перестреляет вас, словно куропаток.

Гинца сдвинул брови. Некоторое время он молча разглядывал распухшее лицо Волчка, потом заявил:

– М-да… Вижу, с тобой придется повозиться. Эй, Пак! – окликнул он крепыша-корейца. – Последите за ним, а я пойду отолью.

Егор отплюнул кровь и проговорил:

– Купи по дороге мороженое. Я люблю с ванилью.

Гинца усмехнулся.

– Веселый ты парень. Знаешь, а ты начинаешь мне нравиться.

– Принеси мне мороженое, и я разрешу тебе поцеловать себя в макушку. Возможно, мы даже станем друзьями.

– Друзьями? – приподнял бровь Гинца.

– Угу. В том смысле, что, когда придет время, я тебя не убью. А только покалечу.

– Веселый ты парень, – повторил Гинца. – Но вряд ли у тебя останется желание шутить, когда я начну отрывать тебе пальцы – один за другим.

Гинца отвел от Егора взгляд и зашагал к выходу. Через несколько секунд железная дверь с лязгом распахнулась и закрылась за спиной главаря.

Азиат Пак и бармен Иван по-прежнему сидели в углу ангара и играли в карты, запивая взятки «Мартелем» и равнодушно поглядывая на Егора.

Егор изо всех сил напряг правую руку. Скотч затрещал. Егор усилил нажим. Адская боль пронзила кожу и мышцы, на мгновение Волчку показалось, что запястье его оплели раскаленной колючей проволокой, а затем что-то тихо щелкнуло, и рука повисла в воздухе.

Егор перевел дух. Затем освободившейся рукой пошарил на стеллаже за спиной. Пальцы наткнулись на флакон с «клеем аэрозолем». Егор взял его и сунул в карман куртки. Снова пошарил по стеллажу и наткнулся на отвертку. Острый конец отвертки помог разрезать скотч и освободить левую руку.

Егор взглянул на бармена и крепыша-корейца. Они ничего не заметили и продолжали, негромко переговариваясь, играть в карты.

Егор сжал отвертку в правой руке, быстро нагнулся и стал освобождать ноги. И тут кореец Пак что-то резко крикнул. Егор, не обращая внимания, сорвал с ног остатки скотча и вскочил со стула.

Пак, так же быстро выпрыгнувший из-за стола, был уже в нескольких шагах от него. Егор поудобнее перехватил отвертку, но воспользоваться ею не успел. В руках у Пака звякнули стальные цепочки. Ножи, прикрепленные к цепочкам, сверкнули у Егора перед глазами, как молнии. Один из них резанул Волчка по руке, он вскрикнул и выронил отвертку.

Возле левого уха свистнуло, и Волчок едва успел отстраниться. Блеснуло прямо перед глазами, но за мгновение до этого Егор снова успел отпрянуть. Еще два выпада – один из ножей срезал у Волчка с головы прядь волос, второй – вспорол рукав куртки.

– Тебе конец! – гнусаво крикнул Пак.

Ножи принялись летать с молниеносной быстротой, как две смертоносные осы, норовя ужалить Егора в лицо, взрезать ему горло, вспороть живот, однако Егор двигался еще быстрее. Увернувшись от лезвий, он чуть отклонился в сторону, вскинул руку, поймал нож в воздухе и метнул его обратно. Одновременно он ударил носком ботинка по второму клинку, сбив его на лету и так же отправив назад. Клинки сверкнули в воздухе, один из них вонзился Паку в плечо, другой – в шею, чуть ниже кадыка.

Кореец вытаращил глаза и замер. Егор подпрыгнул и ударом ноги вогнал клинок противнику в горло до самой цепочки. Изо рта крепыша хлынула кровь, глаза закатились под веки, и он рухнул на пол.

Егор повернулся к бармену Ивану. В руке у того был пистолет. Егор увернулся от первой пули и подхватил с верстака две стальные пластинки. Он ринулся на Ивана. Тот встретил его целым градом пуль, но Егор, с молниеносной быстротой орудуя стальными пластинами, отбил все пули, подскочил к Ивану вплотную и ударил его пластиной в лицо. Бармен отшатнулся к стене и уронил пистолет. Из его сломанного носа хлынула кровь. Однако Ивана это не остановило. Резко повернувшись, он высоко подпрыгнул, пробежал по стене вверх, оттолкнулся от нее, сделал кульбит и приземлился за спиной у Волчка. Удар кулаком в основание черепа должен был убить Егора на месте, однако позвоночник Егора был намного крепче, чем у обычного человека.

Отлетев от кулака противника, Волчок ткнулся лицом в стену ангара, но тут же развернулся, подхватил с пола пистолет, с размаху вбил вороненый ствол Ивану

в рот и нажал на спуск.

Голова бармена разлетелась на куски. Еще пару секунд обезглавленное тело стояло на месте, шаря в воздухе руками, а потом грохнулось на пол и замерло.

Егор вытер рукавом потный лоб и перевел дух.

– Супермены хреновы… – тяжело дыша, проговорил он.

И в это мгновение Волчок услышал за спиной легкий шорох. Он развернулся и успел нажать на спусковой крючок пистолета. Гинца выскочил из полумрака внезапно, как черт из табакерки, но пуля Егора вошла ему в грудь.

Главарь, однако, не остановился, он схватил Волчка за плечи и швырнул его на железный верстак. Егор ударился поясницей. На мгновение ему показалось, что в спине что-то хрустнуло, а затем страшная, невыносимая боль пронзила почки и взбежала выше – по ребрам и позвоночнику. Боль на мгновение лишила Егора сил, он выронил пистолет, и противник ногой отшвырнул его в сторону.

По лицу Гинцы проходили тусклые радужные всполохи. Вцепившись левой рукой Егору в плечо, Гинца с силой надавил на него, прижав противника к верстаку и лишив возможности двигаться, а правой рукой схватил его за горло и стал душить. Пальцы бандита сжимали Егору сонную артерию, и хватка у него была железная.

Пальцы противника продолжали сдавливать Волчку горло, и он стал задыхаться. Егор понимал, что через пару секунд кровь перестанет поступать в голову, и он потеряет сознание. Он сделал попытку ослабить хватку бандита, разведя ему руки, но тот лишь удвоил усилия, не собираясь ослаблять давление на сонную артерию. Егор напряг все силы и почувствовал, как заколотилось в груди его перегруженное сердце.

Это было невероятно. Потенциал Гинцы превосходил человеческий во много раз. Даже с пулей в груди он был сильнее, чем Егор, и не только твердо стоял на ногах, но и способен был оторвать противнику голову голыми руками.

Поняв, что бороться дальше бесполезно, и почти теряя сознание, Егор правой рукой нащупал в кармане бутылку с клеем, вынул ее, ногтем большого пальца сорвал с баллона колпачок. На головке распылителя находился рычажок регулятора. Егор двинул рычажок на режим «струи», затем зажмурил глаза и ткнул баллон главарю в лицо.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Франсуа Вийон. Перевод И. Эренбурга.

2

Об этом рассказывается в романах «Мастер гнева», «Темный горизонт» и «Имперский крест».

Купить: https://tellnovel.me/granovskiy_anton/kol-co-vikinga

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити